

РОБЕРТ МАККАММОН

*Myster
Morz*

18+

The Big Book

Роберт Маккаммон

Мистер Морг

«Азбука-Аттикус»

2010-2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Маккаммон Р.

Мистер Морг / Р. Маккаммон — «Азбука-Аттикус»,
2010-2012 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21544-3

Мэтью Корбетт – бывший секретарь мирового судьи, а теперь младший «решатель проблем» в сыском бюро «Герральд» – стал в колониальном Нью-Йорке знаменитостью: первый в Новом Свете таблоид «Уховертка» красочно живописал его подвиги, в том числе – разоблачение серийного убийцы по прозвищу Масочник. И вот губернатор лорд Корнбери поручает Мэтью и его старшему партнеру Хадсону Грейтхаусу особо ответственное задание – транспортировать из Уэстервикской лечебницы для душевнобольных коварного убийцу Тирантуса Морга, выдачи которого требует метрополия; тот должен предстать перед судом в Лондоне за многочисленные убийства, грабежи и другие преступления. Разумеется, мистер Морг приложит все свои силы и коварство, чтобы сбежать от конвоиров... «Увлекательный исторический детектив от автора, который мог потягаться на его поле с самим „королем ужасов“ Стивеном Кингом» (Publishers Weekly) публикуется в новом переводе, а также с дополнительными материалами.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21544-3

© Маккаммон Р., 2010-2012

© Азбука-Аттикус, 2010-2012

Содержание

Мистер Морг	6
Часть первая. Зуб чудовища	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Часть вторая. Долина суда	46
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	59
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Роберт Маккаммон

Мистер Морг

Robert McCammon

MISTER SLAUGHTER

Copyright © 2010 by McCammon Corporation

DEATH COMES FOR THE RICH MAN

Copyright © 2012 by Robert McCammon

MATTHEW CORBETT'S WORLD

Copyright © 2010 by Robert McCammon

All rights reserved

© А. П. Александров, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Мистер Морг

Памяти моего друга Чарльза Гранта

Часть первая. Зуб чудовища

Глава 1

Эй, слушай! – гудел октябрьский ветер, насквозь продувавший нью-йоркские улицы, то взвиваясь, то налетая сверху. *Вот что я расскажу! Стихия гуляет, но до прогулок ли людям? Вон тому долговязому джентльмену, что идет мимо, шатаясь, удастся ли устоять под моим натиском, пока я не швырнул его об стену? А тот, толстопузый, успеет ли догнать свою треуголку, когда я сорву ее у него с головы? Завывая, всех толкая, я по городу лечу, и любого скакуна я вам в два счета обскачу!*

«С тобой не поспоришь», – ответил про себя Мэтью Корбетт.

То-то же! Встречай и провожай меня с почетом, и знай: невидимое может оказаться силой, с которой ни одному человеку не совладать.

В этом у Мэтью не было ни малейших сомнений: он сам едва удерживал на голове треуголку и вот-вот мог быть опрокинут порывами ветра.

Было почти полдевятого. В этот вечер, в четверг второй недели октября, молодой человек оказался на улице не случайно. К восьми тридцати ему велено было явиться на угол Стоун-стрит и Брод-стрит, а невыполнение приказа было чревато самыми тяжкими последствиями. В эти дни Хадсон Грейтхаус, его компаньон и старший партнер по бюро «Герральд», едва ли позволил бы Мэтью усомниться в том, кто тут хозяин, а кто – что уж скрывать – раб.

Прохожие, шедшие в одну сторону, как будто пытались проломить невидимые стены, а те, кто двигался в другую, пролетали мимо, словно были не горожанами, а кучами тряпья. Бодро пробираясь дальше по Куин-стрит в южном направлении, он подумал, что строгость, которую Грейтхаус проявляет в последнее время, все-таки относится скорее к славе Мэтью, чем к его подневольному положению.

Как-никак Мэтью стал знаменитостью.

«Не кажется ли тебе, что ты слишком задираешь нос?» – уже не раз спрашивал его Грейтхаус после того, как была разгадана тайна Королевы Бедлама.

«Положим, – спокойно отвечал ему Мэтью (если можно оставаться спокойным, когда говоришь с человеком-быком, готовым при первом же неосторожном слове ринуться на тебя, как на красную тряпку). – Но так мне лучше видно вокруг». Этого оказалось недостаточно, чтобы бык на него бросился, но вполне хватило, чтобы он фыркнул, злорадно предвкушая будущую расправу.

Но ведь Мэтью действительно прославился. Его летние подвиги, когда он пытался установить личность Масочника и чуть не отдал Богу душу в имении Капелла, вдохновили городского печатника Мармадьюка Григсби на целый шквал статей в «Уховертке», сделавших эту авторитетную газету даже популярнее вечерних собачьих боев по субботам у причала Пека. Самая первая история была написана сразу после июльского приключения, она освещала события в сдержанных тонах и довольно достоверно (этому поспособствовали угрозы главного констебля Гарднера Лиллехорна сжечь печатню), но когда внучка Мармадьюка подробно поведала о своей роли в том, что произошло, старый охотник за сенсациями стал чуть ли не круглые

сутки тщетно караулить у жилища Мэтью – бывшей молочной, находившейся прямо за домом Григсби и типографией.

Из приличия и руководствуясь здравым смыслом, Мэтью сначала не поддавался соблазну рассказывать обо всех обстоятельствах дела, но со временем ему становилось все труднее держать оборону, и наконец он сдался. К третьей неделе сентября в типографии была набрана «Доселе неизвестная история схватки нашего согорожанина Мэтью Корбетта с лютыми лиходеями и грозившей ему чудовищной гибели. Часть первая», и тут газетная машина завертелась, а огонь воображения Григсби запылал во всю мощь.

И вот на следующий день Мэтью, который до сих пор был просто молодым человеком двадцати трех лет от роду, волею судьбы и случая возвысившимся из нью-йоркских оборванцев сперва до секретаря мирового судьи, а потом и до младшего «решателя проблем» в бюро «Геральд» со штаб-квартирой в Лондоне, обнаружил, что за ним повсюду следует умножающаяся толпа людей, сующих ему перья, чернильницы и экземпляры «Уховертки», дабы он надписал своим именем первую часть истории его приключений, в которой он уже едва узнавал что-либо из пережитого им на самом деле. Было очевидно: там, где Мармадюку не хватает фактов, он дает полную волю фантазии.

К третьей, последней части, опубликованной на прошлой неделе, Мэтью из простого горожанина, каких в 1702 году проживало в Нью-Йорке примерно пять тысяч, превратился в рыцаря справедливости, не только предотвратившего крах экономических основ колонии, но и спасшего всех девиц города от похотливых приспешников Капелла. Бежал без оглядки вместе с Берри по засохшему винограднику, когда их по пятам преследовали пятьдесят головорезов и десять дрессированных ястребов? Дрался на шпагах сразу с тремя кровожадными пруссаками? Да, зерно правды в этих рассказах было – но обросло толстой мякотью вымысла.

Как бы то ни было, для Григсби и его «Уховертки» эти истории оказались подарком судьбы, и народ не только в тавернах, но и у колодцев и лошадиных поилок взахлеб обсуждал прочитанное. По слухам, кое-кто даже видел, как сам губернатор, лорд Корнбери, прохаживаясь в один прекрасный день по Бродвею в золотистом парике, белых перчатках и роскошном женском наряде – в честь своей кузины королевы Анны, увлеченно изучал свежий выпуск газеты подкрашенными в фиолетовый цвет глазами.

На углу Куин-стрит и Уолл-стрит напористый ветер завихрил вокруг Мэтью целую смесь запахов: рыбы, дегтя, причальных свай, животных и их кормов на скотопригонных дворах, содержимого ночных горшков, выплеснутого из окон на булыжные мостовые, и горьковато-сладкого винного аромата ночной Ист-Ривер. Если Мэтью находился сейчас не в сердце Нью-Йорка, то уж точно в его носу.

Ветер хлестал по фонарям, свисавшим со столбов на углах улиц, и гасил их пламя. Закон обязывал жителей каждого седьмого дома предоставить по светильнику, но сегодня никто – ни совершавшие обход констебли, ни даже их глава Лиллехорн, сколько бы он сам себя ни расхваливал, – не смог бы приказать ветру пощадить хотя бы один фитиль. Это нескончаемое бесчинство, начавшееся около пяти часов и, по всем признакам, утихать не собиравшееся, и заставило Мэтью вступить в мысленный философский диалог с разбушевавшимся задиной-ветром. Нужно было прибавить шагу: даже не доставая серебряных часов из кармана жилета, он знал, что уже на несколько минут опаздывает.

Довольно быстро дойдя до Брод-стрит, теперь уже подталкиваемый ветром в спину, Мэтью перешел по булыжникам на другую сторону и при свете истязаемого ветром, но еще не добитого фонаря разглядел ждавшего его начальника. Их контора находилась чуть дальше по Стоун-стрит, в доме номер семь, где нужно было взойти по узкой лестнице на верхний этаж – там, если верить молве, до сих пор обитали призраки прежних съемщиков, прикончивших друг друга из-за кофейных зерен. За последние недели Мэтью несколько раз слышал скрип и

какие-то глухие удары, но был уверен, что это просто голландские камни брюзжат, оседая в английскую землю.

Не успел Мэтью подойти к Хадсону Грейтхаусу, одетому в монмутскую шерстяную шапку и длинный черный плащ, реявший за ним подобно вороновым крыльям, как тот широким шагом сам направился к нему и, на ходу перекивая ветер, громко приказал:

– Следуй за мной!

Мэтью подчинился и снова едва не лишился треуголки, разворачиваясь, чтобы идти в обратную сторону. Грейтхаус легко шел навстречу ветру, как будто был его властелином.

– Куда мы идем? – крикнул Мэтью, но то ли его слова не долетели до Грейтхауса, то ли тот не соизволил ответить.

Хоть они и служили в бюро «Герральд» в одной связке, никому не пришло бы в голову назвать этих двух «решателей проблем» братьями. Мэтью был высок и строен, но при этом крепок, как речной камыш. Лицо у него было худощавое, с вытянутым подбородком, а из-под угольно-черной треуголки выбивалась копна тонких черных волос. Его бледность, подчеркиваемая светом фонаря, свидетельствовала о том, что он человек читающий, а по вечерам допоздна засиживается за шахматной доской в любимой таверне «Рысь да галоп». Недавно приобретенная известность и убежденность в том, что он ее заслужил, так как действительно чуть не погиб, защищая справедливость, пробудили в нем желание одеваться так, как подобает нью-йоркскому джентльмену. В новом черном сюртуке и жилете в тонкую серую полоску (одном из двух костюмов, сшитых ему на заказ Бенджамином Аулзом) он выглядел настоящим денди. Новые черные сапоги, доставленные не далее как в понедельник, были начищены до глянцевого блеска. Он заказал себе терновую трость, с какими, как он успел заметить, разгуливали по городу многие важные молодые господа, но, так как эту вещь везли из Лондона, насладиться ее обладанием ему предстояло не раньше весны. Он всегда был идеально опрятен и чисто выбрит. Прямой, твердый, внимательный взгляд холодных серых глаз с оттенком сумеречной синевы был ясен и совершенно в этот вечер безмятежен. Об этом взгляде некоторые сказали бы (а Григсби так и написал во второй части), что под его действием «разбойник сбрасывает с себя бремя зла, дабы оно не сковало его тяжестью каторжных цепей».

Да уж, умеет старый писака блеснуть словом, подумал Мэтью.

Хадсон Грейтхаус, который свернул налево и, уже прилично оторвавшись от своего младшего коллеги, размашисто шагал по Брод-стрит на север, был по сравнению с Мэтью как молот на фоне отмычки. При встрече с этим сорокасемилетним широкоплечим здоровяком ростом шесть футов три дюйма большинство мужчин опускали взор в землю, надеясь обрести храбрость. Когда Грейтхаус в каком-нибудь помещении обводил всех своими черными, глубоко посаженными глазами на потрепанном морщинистом лице, мужчины застывали на месте, боясь привлечь к себе его взгляд. На женщин же он производил прямо противоположное действие: Мэтью приходилось видеть, как самые набожные из них превращаются в щебечущих кокеток, едва уловив благоухание лаймового мыла для бритья, которым пользовался Грейтхаус. И в отличие от Мэтью, здоровяк презирал выкрутасы последней моды. Костюм, пошитый у дорогого портного? Об этом не могло быть и речи. Самой большой его уступкой щегольству была светло-голубая рубашка с оборками, чистая, но изрядно поношенная, которую он надевал с обыкновенными серыми бриджами, простыми белыми чулками и жесткими нечищеными сапогами. Из-под шапки виднелись густые волосы с сединой, отливавшей сталью, собранные сзади в косицу и перевязанные черной лентой.

Если и было между ними что-то общее, помимо работы в бюро «Герральд», так это шрамы. Мэтью удостоился отметины в виде полумесяца, начинавшейся прямо над правой бровью и, изгибаясь, шедшей вверх через весь лоб, – она всю жизнь будет напоминать ему о схватке с медведем, в которую он вступил три года назад в лесных дебрях, и ему еще повезло, что он продолжает ходить по земле. Лицо Грейтхауса украшал ломаный шрам, рассекший левую

бровь, – им его наградила третья жена, метнувшая в него разбитую чашку (рассказывал он об этом с обидой). Жена, разумеется, бывшая, и Мэтью не спрашивал, что с ней потом случилось. Но справедливости ради стоит сказать, что настоящую коллекцию шрамов – оставленных кинжалом убийцы, мушкетной пулей и ударом шпаги наотмашь – он носил под рубашкой.

Они приближались к величественному трехэтажному зданию ратуши, построенному из желтого камня там, где Брод-стрит встречалась с Уолл-стрит. В некоторых окнах горел свет: дела городские заставляли чиновников работать допоздна. Здание окружали строительные леса: на самом верху крыши, дабы флаг Соединенного Королевства развевался поближе к небесам, возводилась башенка. Мэтью подумал: каково там сейчас городскому коронеру, дельному, но чудаковатому Эштону Маккаггерсу, слушать, как рабочие колотят молотками и что-то пилят прямо у него над головой, ведь он жил в своем удивительном музее скелетов и других зловещих экспонатов на чердаке ратуши. Грейтхаус свернул направо и пошел по Уолл-стрит в сторону гавани. Мэтью представил себе, как раб Маккаггерса Зед скоро заберется в башенку и будет созерцать оттуда кипящую жизнь растущего города и морского порта, – Мэтью знал, что этот великан-африканец любит тихонько посидеть на крыше, глядя, как мир под ним торгуется, трудится, ругается и вообще борется сам с собой.

Они прошли еще немного, повернули налево за «Кошачьей лапкой», и Мэтью понял, куда Грейтхаус ведет его.

С тех пор как в середине лета был положен конец террору, развязанному Масочником, в городе больше не происходило убийств. Если бы Мэтью вдруг вздумалось показать какому-нибудь приезжему место, где вероятнее всего можно было бы стать свидетелем кровавой расправы, то это было бы помещение за обшарпанной красной дверью, к которой сейчас подходил Грейтхаус. Видавшая виды красная вывеска над дверью гласила: «Петушиный хвост». Фасадное окно таверны завсегдатаи высаживали в драках уже столько раз, что теперь оно было просто заделано грубыми досками, сквозь щели между которыми на Уолл-стрит просачивался грязный свет. В Нью-Йорке имелось десятка полтора таверн, но этой Мэтью избегал старательнее всего. Пестрая компания жуликов и толстозадых спесивцев, мнящих себя виртуозами финансов, за спорами о цене на такие товары, как зельц из свиных голов и бобровые шкурки, заправлялась здесь самым дешевым, самым отвратительным и самым крепким яблочным бренди из всех, что когда-либо воспламеняли человеческий мозг.

К огорчению Мэтью, Грейтхаус открыл дверь и, повернувшись, кивком велел ему заходить внутрь. На улицу выплеснулся желтый свет и потянулось облако табачного дыма, тут же развеянное ветром. Мэтью стиснул зубы, сделал шаг к страшной двери, и тьме пронзила вспышка молнии, а оттуда, где Господь наблюдал за проклятыми дураками, донесся гром литавр.

– Дверь закрой! – тут же злобно заорал кто-то каркающим голосом, как будто выстрелили из пушки, заряженной выводком лягушек-быков. – Вонь выпустишь!

– Ну да, – сказал Грейтхаус, любезно улыбаясь, когда Мэтью ступил в пропахшее всякой мерзостью помещение. – Этого бы мы не пережили, правда?

Он закрыл дверь, и тощий седобородый господин, сидевший на стуле в глубине зала и перед тем жестоко пытавший хорошую скрипку, тотчас же снова принялся издеваться над слухом присутствующих.

Высившийся за стойкой бара мордovorот по имени Лайонел Скелли (ну вылитая лягушка-бык), наделенный громовым голосом (что твоя пушка) и огненно-рыжей бородой, свисавшей почти до низа его заляпанного грязью кожаного жилета, вернулся к прерванному занятию: он наливал свежую (не совсем верное тут слово) кружку яблочной отравы посетителю, устремившему рыбий взгляд на вошедших.

– Эй, вы! – приветствовал их Сэмюэль Бейтер, известный тем, что откусил в драках не один нос. Но этим его добродетели не исчерпывались: еще он был заядлым игроком, безжа-

лостно лупил жену и немало времени проводил у красоток из розового дома Полли Блоссом на Петтикоут-лейн. Лицо у него было плоское, злое, с коротким носом задиры. Мэтью решил, что человек этот или уже вдребезги пьян, или просто глуп как пробка, раз присутствие Хадсона Грейтхауса не напугало его. – Юный герой и его хозяин! А ну-ка, идите сюда, выпейте с нами!

Бейтер ослабилась и поднял кружку, выплеснув на дощатый пол некоторое количество коричневой маслянистой жидкости. Под «нами» он подразумевал себя и своего собутыльника Боскинза – нового человека в городе, приехавшего из Англии в середине сентября. Солидность телосложения тот не уступал Грейтхаусу: квадратные плечи бугрились под едва не лопающимся темно-коричневым сюртуком. Свою треуголку цвета бродвейской грязи он снял, и было понятно, отчего Боскинза прозвали Твердолобым: череп его был совершенно голым. Широкий лоб действительно выдавался вперед над нависшими черными бровями, как костяная стена. Мэтью о Боскинзе было известно, только что ему слегка за тридцать и он нигде не работает, но мечтает заняться пушным промыслом. Боскинз курил глиняную трубку, поглядывая то на Мэтью, то на Грейтхауса бледно-голубыми глазами, в которых можно было прочесть разве что полное равнодушие.

– Мы кое-кого ждем, – спокойно и непринужденно сказал Грейтхаус. – Но в другой раз – обязательно.

Не дожидаясь ответа, он подхватил Мэтью под локоть и повел к одному из столов.

– Садись, – едва слышно произнес Грейтхаус, и Мэтью, с шумом отодвинув стул, сел.

– Как скажете. – Бейтер, изрядно отпив из кружки, высоко поднял ее и слегка растянул губы в улыбке. – Тогда за юного героя. Говорят, Полли нынче сильно тобой увлечена.

Грейтхаус сел спиной к углу зала, и его лицо расслабилось. Мэтью оценил обстановку в заведении. С крюков под закопченными потолочными балками свисало на цепях десять-двенадцать грязных фонарей. В клубах табачного дыма сидели еще семеро мужчин и одна растрепанная краснощекая толстушка. Двое посетителей успели отключиться, и их головы покоились на столе в серой луже жидкости, которая, возможно, недавно была похлебкой из моллюсков. Нет, тут был еще восьмой, он, тоже в бессознательном состоянии, уткнулся лицом в стол слева от Мэтью. Мэтью узнал зеленый фонарь городского констебля Диппена Нэка. Тот поднял опухшие глаза и попытался сфокусировать взгляд. Рядом с перевернутой кружкой злобного коротышки лежала его черная дубинка.

– А, это вы, – скрипучим голосом произнес Нэк, и лоб его тут же с глухим стуком ударился о дерево.

– Уж так увлеклась, – продолжал Бейтер; очевидно, он все-таки был не столько пьян, сколько глуп. – Твоими приключениями, конечно. Я слышал, она тебе этот – как там она его называет – «сезонный билет» сделала?

Действительно, вскоре после того, как в «Уховертке» напечатали первую часть, Мэтью в контору пришло приглашение на изящной бумаге. Он не собирался им воспользоваться, но предложение оценил.

– Твердолобый, ты же читал про Мэтью Корбетта? Если бы не он, мы не могли бы сейчас спокойно ходить ночью по улицам! Даже пойти выпить или перепихнуться не смогли бы. Да, Полли теперь о нем только и говорит, – сказал Бейтер, и голос его немного посуровел. – О том, какой он джентльмен. Какой умный да какой благородный. Как будто мы, остальные мужики, – шваль какая-нибудь, а она нас только терпит. Мы шваль, ни на что не годная, зато про него эта потаскуха часами может трендеть!

– Да выдумки все это, вранье, вот что я вам скажу! – заявила растрепанная толстуха, облаченная в колбасную кожуру, которая тридцать фунтов тому назад была платьем. – Кто бы это живым остался, когда с пятью десятками дерешься? Верно, Джордж?

Ответа не последовало, тогда она пнула ногой табуретку под одним из посетителей, находившихся в бессознательном состоянии, и тот глухо застонал.

– Пятью десятками! – Диппен Нэк снова приподнял голову.

От такого усилия на его румяных, как у херувима, щечках заблестел пот. Правда, Мэтью считал, что в констебле больше от беса, чем от ангелочка. Он был невысокого мнения о человеке, способном украсть ключи от тюрьмы и пойти ночью мочиться на заключенных.

– Врут, сволочи! – продолжал констебль. – Я вот гаденыша Эванса повязал и Корбетту жизнь спас, а меня в этой газетенке даже не упомянули! Еще и ножом в руку за свои старания схлопотал! Несправедливо это!

Нэк издал сдавленный звук, будто вот-вот заплачет.

– Ясное дело, Сэм, брешет он все, – сказал Твердолобый, отхлебнув из кружки, – зато приоделся нарядно. Годный костюмчик – как раз такому умному петушку пощеголять. Во сколько он тебе обошелся?

Произносил это Твердолобый, уставившись в свое пойло.

Мэтью, кажется, начинал понимать, зачем Грейтхаус притащил его сюда – не куда-нибудь, а в эту таверну, где, как ему было известно, два человека погибли в жестоких драках на этом вот полу, похоже, больше залитом кровью, чем бренди. Поработав секретарем у мирового судьи Натаниела Пауэrsa, Мэтью также знал, что и сам Лайонел Скелли не прочь иногда применить физическую силу: однажды хозяин таверны отрубил посетителю руку топором, который он держит за стойкой. В общем, таскать монеты из ящичка, служившего в этом заведении кассой, – дело рискованное.

На вопрос Твердолобого ответил Грейтхаус:

– Куда дороже, чем следует, как по мне.

Повисла тишина.

Боскинз медленно поставил кружку на стойку и воззрился на Грейтхауса. Теперь уже Твердолобый совсем не казался очень пьяным или чересчур глупым, – видимо, и того и другого в нем было сейчас в самый раз, чтобы запалить фитиль. Кажется, он был даже весьма уверен в своей способности кого-нибудь изувечить. Да что там, ему уже просто не терпелось.

– Я с нашим юным героем говорю, – сказал он. – А не с тобой, старичок.

Так, подумал Мэтью, сердце его забилось чаще, а в животе стало неудобно. Ну конечно. Этот сумасшедший, этот маньяк привел его сюда, чтобы подраться. Мало того, что Мэтью, не щадя себя, учится фехтовать, чертить карты, стрелять из кремневого пистолета и ездить верхом; мало того, что он осваивает другие подобные искусства, необходимые в их профессии, и преуспевает в них. Так нет же, он, видите ли, недостаточно быстро усваивает премудрости этого бессмысленного занятия, навязанного ему Грейтхаусом, – «кулачного боя». «Помни, – много раз говорил Грейтхаус, – сначала дерешься умом, а потом – мускулами».

Видимо, Мэтью предстояло своими глазами увидеть, как работает ум здоровяка. «Да помогут нам Небеса», – подумал он.

Грейтхаус встал. Он все еще улыбался – правда, уже едва заметно.

Мэтью снова пересчитал присутствующих по головам. Скрипач больше не пикиал. Интересно, он боец или здесь просто для антуража? Джордж и его товарищ, пребывавший в обморочном состоянии, так и лежали лицами в стол, но одного шлепка хватило бы, чтобы вернуть их к жизни. Кто знает, как поведет себя Диппен Нэк? Толстая растрепанная ухмылялась, передние зубы у нее уже были выбиты. Бейтер, вероятно, подождет, пока Твердолобый не проломит кому-нибудь череп, а потом начнет отгрызать носы. У Скелли всегда под рукой топор. Из оставшихся пятерых двое походили на неотесанных ребят с причала, истосковавшихся по хорошему мордобою. Еще трое – за столом в глубине зала, хорошо одеты, вряд ли им захочется изорвать свои костюмчики. Они попыхивали длинными трубками, как у церковных старост, хоть сами служителями алтаря явно не были. «Как кости лягут», – подумал Мэтью, все-таки еще надеясь, что Грейтхаус не настолько безрассудный игрок.

Вместо того чтобы двинуться на Твердолобого, Грейтхаус небрежно снял шапку и плащ и повесил их на колышки в стене.

– Мы посидим тут немного. Как я уже сказал, мы кое-кого ждем. Ни мистеру Корбетту, ни мне не нужны неприятности.

Кое-кого ждем? Мэтью представления не имел, о чем это он.

– Ну и кого же вы ждете? – Твердолобый прислонился к стойке и скрестил толстые руки на груди. Шов на его плече вполне мог прямо сейчас лопнуть. – Подружку свою, лорда Корндыра?

Рядом с ним захихикал Бейтер.

– Нет, – ответил Грейтхаус, – мы ждем человека, которого я, возможно, приму на работу в наше бюро. Мне показалось, что было бы интересно встретиться здесь.

В эту секунду открылась дверь. Мэтью увидел тень, упавшую на порог, и услышал звук тяжелых шагов. Грейтхаус сказал:

– А вот и он!

В таверну вошел невольник Зед в черном сюртуке, белых чулках и шейном платке из белого шелка.

В таверне стало тихо, слышно было лишь напряженное дыхание. У Мэтью глаза полезли на лоб. Он резко повернул голову к Грейтхаусу, чуть не сломав себе шею, и с трудом выговорил:

– Вы с ума сошли?

Глава 2

Сошел Грейтхаус с ума или нет, но в глазах у него заблестел огонек, а в голосе прозвучала некоторая гордость, когда он обратился к рабу:

– Ну что ж! Принарядился, молодец.

Понял ли Зед похвалу, осталось неизвестным. Невольник стоял спиной к двери, слегка ссутулив широкие плечи, как будто боялся нарушить державшийся на волоске мир. Взгляд его переходил с Грейтхауса на других посетителей таверны и обратно, и Мэтью казалось, что в этих черных бездонных глазах читается почти мольба. Зеду совсем не хотелось тут быть, как не хотели тут видеть и его.

– Это же ворона коронера! – пронзительно вскрикнула дама. – Я видала, он мертвяка нес, как пушинку!

Это не было преувеличением. Одной из обязанностей Зеда на службе у Эштона Маккаггера было подбирать тела на улицах города. Мэтью тоже приходилось видеть, какие чудеса силы показывает невольник – в покойницкой в подвале ратуши.

Зед был лыс и огромен, почти такого же роста, как Хадсон Грейтхаус, но шире в плечах и груди. Глядя на него, можно было увидеть мощь Черного континента во всей ее полноте и таинственности, и так темен был Зед, что от плоти его под желтым светом ламп, казалось, исходит синее сияние. На его лице – щеках, лбу и подбородке – были начертаны племенные шрамы, выступавшие на коже в форме стилизованных букв Z, E и D, из которых Маккаггерс и составил его имя. Маккаггерс, очевидно, преподавал ему самые основы английского языка, необходимые для работы, но, увы, не мог научить его говорить: задолго до того, как судно работорговцев пришвартовалось у Большого дока, Зеду отрезали под самый корень язык.

Но у Скелли язык был на месте. И как будто сама преисподняя взорвалась квкающим воплем:

– А ну-ка выкинули отсюда эту ворону!

– Это противозаконно! – крикнул Бейтер, как только опилки перестали сыпаться с балок потолка от голоса Скелли. Он был оскорблен, и его лицо, покрытое багровыми пятнами, выражало негодование. – Пусть убирается, или мы сами его вышвырнем! Да, Твердолобый?

– Против закона? Какого закона? Видит Бог, я здесь констебль!

Нэк снова зашевелился, но в его состоянии пошевелиться еще совсем не означало, что он сможет встать.

Твердолобый никак не отреагировал на грозные слова, вылетевшие из уст его товарища: Мэтью показалось, что он пока оценивает размеры нового посетителя, ведь череп у него не настолько крепкий, чтобы бросаться под такой таран. Но мужчины есть мужчины, а мужчины, пьющие крепкие напитки, смелеют по мере того, как опустошается кружка. Твердолобый отпил для храбрости и сказал (правда, почти не поднимая головы от своего бренди):

– Да, черт возьми.

– Джентльмены, давайте не будем! – Грейтхаус примирительно протянул к стойке бара ладони, и Мэтью снова увидел мелкие шрамы и узлы на бывалых костяшках его пальцев. – И ведь, конечно, сэр, – сказал он, обращаясь к Бейтеру, – вы вряд ли всерьез относитесь к распоряжениям, которые лорд Корнбери, может, достал из-под своего платья, правда?

– Я сказал, – раздался голос хозяина таверны, теперь уже больше похожий не на карканье или кваканье, а на металлический скрежет взводимого курка, – убрать этого зверя с моих глаз!

– И от наших носов, – сказал один из джентльменов, сидевших в глубине зала, и Мэтью понял, что друзей у них в этом заведении нет.

– Что ж, хорошо. – Грейтхаус пожал плечами, как будто все было окончательно решено и скреплено печатью. – Налейте ему выпить, и мы уходим.

– Мочи моей пусть попьет, а потом уж, так и быть, каплю спиртного я ему нацēju! – проорал Скелли, и фонари закачались на цепях над головой Мэтью.

Широко раскрытые глаза Скелли горели безумием. Его рыжая борода, в которую вьелась тысяча и одна разновидность нью-йоркской пыли, тряслась, будто хвост гадюки. Мэтью слышал, как за стенами таверны завывает ветер, как он с визгом и свистом врывается в щели между досками, словно хочет разгрызть это заведение и превратить его в щепки. Двое работяг с причала были уже на ногах, один из них похрустывал костяшками пальцев. «Интересно, зачем люди так делают? – подумал Мэтью. – Чтобы кулаки больше казались?»

Грейтхаус все так же улыбался.

– Тогда вот что. Я покупаю выпивку себе. А потом мы уходим с миром. Так пойдет?

К ужасу Мэтью, здоровяк – здоровенный дурачина! – уже шел к стойке бара, прямо туда, где Твердолобый и Бейтер, очевидно, и жаждали его отметелить. Скелли стоял, не двигаясь с места, губы его искривила презрительная усмешка. Бросив взгляд на Зеда, Мэтью снова убедился, что невольник не горит желанием сделать еще хоть шаг навстречу здешней отраве, а отведать ее из грязной кружки у него и в мыслях нет.

– Да он же для вороны своей берет, вон чего задумал! – запротестовала дама – эта мысль уже успела пронестись и в голове у Мэтью.

«Мы ждем человека, которого я, возможно, приму на работу в наше бюро» – так сказал Грейтхаус.

Мэтью об этом ничего не было известно. Взять на работу Зеда? Раба, едва понимающего по-английски, который ни слова сказать не может? Пить тут Грейтхаус явно не собирался: ему с лихвой хватало тех убойных напитков, что он припас в пансионе Мэри Беловэр, где квартировал.

Грейтхаус подошел к стойке бара. Твердолобый и Бейтер расступились, словно насторожившиеся волки. Мэтью встал, боясь, что в любой момент может начаться побоище.

– Может, нам лучше...

– Сядь, – твердо сказал ему Грейтхаус, быстро обернувшись и как будто предупреждая о чем-то. – Веди себя прилично, мы же в хорошем обществе.

«В хорошем, мать вашу», – подумал Мэтью.

И неохотно сел.

Двое портовых работяг двигались к ним. Грейтхаус не обращал на них внимания. Нэк протирает глаза, щурясь на черного исполина, перекрывшего дверной проем.

– Всего кружечку, – сказал Грейтхаус, буравя Скелли взглядом. – Вашего лучшего напитка, пожалуйста.

Скелли не пошевелился.

– Я плачу, – холодным, спокойным голосом продолжал Грейтхаус, – за одну кружку.

Он потянулся к карману, достал монету и опустил ее в кассу на стойке.

– Ну ладно, – сердито глядя, заговорил Бейтер. – Пусть выпьет и уводит отсюда эту черную скотину. К чертям их всех.

Грейтхаус не спускал глаз с мрачного хозяина таверны.

– Джентльмен дело говорит, – сказал он.

Скелли неожиданно улыбнулся, но зрелище это было не из приятных. Обнажились его черные, сломанные передние зубы – когда некоторые улыбаются, они смахивают на дьявола, примеряющего нимб. Не стоило ему этого делать. Увидев этот безобразный оскал, Мэтью почувствовал, как в зале стучится опасность, словно кто-то натягивает тетиву, чтобы выпустить губительную стрелу.

– Конечно, сэр, конечно! – сказал Скелли и отвернулся, чтобы взять с полки кружку и откупорить бутылку фирменного отвратительного бренди. Он эффектным движением налил как раз столько, сколько можно было купить на монету, и со стуком поставил кружку перед Грейтхаусом. – Пожалуйста, сэр. Пейте!

Грейтхаус помолчал, оценивая расстояние до Твердолобого, Бейтера и двоих медленно приближающихся портовиков. Трое хорошо одетых джентльменов были уже на ногах, дымя трубками и внимательно наблюдая за происходящим. Мэтью снова встал, несмотря на приказ Грейтхауса. Он бросил взгляд на Зеда-невольника и увидел, что даже тот чуть согнулся, приготовившись, – правда, Мэтью не знал к чему.

Грейтхаус протянул руку и дотронулся до кружки.

– Минутку, сэр, – остановил его Скелли. – Вы ведь сказали, что хотите лучшего, да? Ну так я вам подслащу. – С этими словами он наклонил голову и пустил в кружку струю мерзкой коричневой слюны. – Ну вот, сэр, – закончив, сказал он с той же дьявольской ухмылкой. – Можете сами выкушать, ну или, может, ворону свою угостите.

Грейтхаус уставился на кружку.

– Гм, – сказал он.

Его левая бровь, та, которую пересекал шрам от брошенной чашки, задергалась. Какое-то время он больше ничего не говорил. Твердолобый захихикал, а дама загоготала. Диппен Нэк схватил свой констебльский фонарь, черную дубинку и стал пытаться встать, но, так как у него не было третьей руки, достигнуть цели у него не получалось.

– Гм, – снова сказал Грейтхаус, рассматривая пену, пузырившуюся на поверхности налитой ему жидкости.

– Пейте же, – призвал его Скелли. – Бальзамчик что надо, правда, парни?

Надо отдать должное их здравому смыслу: никто ему не ответил.

Грейтхаус убрал руку от кружки. Он внимательно смотрел Скелли в глаза.

– Боюсь, сэр, у меня прошла жажда. Прошу прощения за наш неожиданный визит, и позвольте мне лишь забрать мою монету, ведь я не успел отведать вашего... лучшего напитка.

– Нет уж, сэр! – Ухмылка исчезла с лица Скелли, как будто он получил пощечину. – Вы же купили выпивку! Значит, монета моя!

– Но вы можете вылить напиток обратно в бутылку – у меня в этом нет ни малейших сомнений. Уверен, вы часто так делаете, когда у посетителей уже нет сил допить свою порцию. Ну, я беру монету, и мы пошли.

Он потянулся к кассе, и Мэтью увидел, как у Скелли дернулось правое плечо. Мерзавец нащупал за стойкой топор.

– Хадсон! – крикнул Мэтью, и кровь застучала у него в висках.

Но руку здоровяка было не остановить. Грейтхаус и Скелли продолжали смотреть друг на друга в упор, каждый безмолвно испытывая силу воли противника: рука одного продолжала тянуться, а другого – готовилась оттяпать ее в запястье.

Грейтхаус неспешно запустил руку в кассу, и его пальцы коснулись меди.

Трудно точно описать то, что случилось дальше: свирепое действие разыгралось так быстро, что Мэтью показалось, будто все вокруг расплылось, как во сне, – будто одного только запаха бренди было достаточно, чтобы вызвать белую горячку.

Взлетел топор, крепко зажатый в руке у Скелли. Сверкнул на лезвии отсвет фонарей, и Мэтью уже был уверен, что завтра на урок фехтования Грейтхаус не придет. Топор достиг высшей точки и на секунду завис там. Скелли стиснул зубы и изготовился обрушить его, рубя плоть, сухожилия и кости.

Тут-то все и расплылось, ибо удар топором так и не был нанесен.

Со стороны двери раздался такой звук, будто там в своих оковах бьются приспешники Сатаны, и Мэтью, быстро повернув голову, успел увидеть, как Зед замахивается цепью с горящим фонарем, которую только что, подпрыгнув, сорвал с крюка в потолочной балке. Цепь просвистела над комнатой, обмоталась вокруг воздетой руки Скелли, а фонарь ударил его по корпусу посередине бороды с такой силой, что стеклянная колба разбилась вдребезги. Синему огоньку на куске воска явно предстоял пир из напластований нью-йоркской грязи и накапавшего за неделю яблочного бренди: ослепительно вспыхнув, огонь набросился на бороду Скелли, как бродячая собака на баранью отбивную. Перед лицом Скелли взметнулся легион искр, а Зед словно врос ногами в пол и одним мощным рывком цепи выдернул старого пройдоху из-за стойки бара, будто сома из реки, – с той лишь разницей, что у сома остались бы целыми усы.

Скелли приземлился вперед зубами, что, пожалуй, сделало его будущую улыбку только краше. Рот у него был полон крови, но топора он так и не выпустил. Зед, перебирая руками, стал подтягивать Скелли по полу к себе, спина невольника напряглась, и его сюртук с громким треском разошелся сзади надвое. Когда Скелли оказался у его ног, Зед наклонился, вырвал у него топор и с ловкостью мальчишки, швыряющего камешек, всадил это орудие в ближайшую стену.

«Видимо, некоторые люди рождаются тупицами», – подумал Мэтью. Иначе было не объяснить, отчего, несмотря на только что продемонстрированную ударную силу, двое портюков наскочили на Грейтхауса сзади.

Работяги обрушили на него шквал кулачных ударов и непечатных слов, но Грейтхаус стряхнул их с себя, брезгливо пожав плечами. Вместо того чтобы как следует наподдать им, как ожидал Мэтью, Грейтхаус просто отошел. Бросившись за ним с оскаленными зубами и блестящими от выпитого глазами, они жестоко просчитались.

Буквально через пару шагов портювикам заехало по физиономиям летящим столом. В звуке ломающихся носов была даже некоторая мелодичность. Корчась от боли, работяги повалились на дощатый пол. Мэтью содрогнулся, ощутив на затылке ветерок от движения Зеда: не хотелось бы ему оказаться на месте жертв этого урагана.

Скелли, сидя на полу, сплевывал кровь и хрипло изрыгал ругательства, Бейтер, прижавшись спиной к стене, лихорадочно думал о том, как бы просочиться отсюда сквозь какую-нибудь щель, Твердолобый отхлебнул бренди и полуприкрытыми глазами наблюдал за разворачивающимися событиями, а краснощекая растрепанка, вскочив на ноги, честила Зеда на чем свет стоит. В то же время Грейтхаус и Мэтью заметили, как один из джентльменов, сидевших в

глубине зала (тот, что отпустил замечание об оскорблении, якобы нанесенном его носу), извлек из складок своего плаща, висевшего на колышке в стене, короткий клинок.

– Если никто не выпроводит отсюда этого черного уroda, – объявил он, вздернув подбородок, – то позвольте мне проткнуть его!

Грейтхаус отступил. Мэтью подумал, что теперь-то уж точно пора выбираться на улицу, где не так опасно, как здесь. Но от Грейтхауса не последовало указания уносить ноги, все та же полуулыбка, способная взбесить кого угодно, не сходила с его лица.

Когда на сцену вышел фехтовальщик, Зед посмотрел на Грейтхауса, как показалось Мэтью, вопросительно, но о чем бы ни хотел осведомиться раб, ответа он не получил. Попытки Диппена Нэка встать увенчались успехом, и констебль поднял дубинку, чтобы начать вершить правосудие согласно своим представлениям. Пошатываясь, он сделал шаг по направлению к Зеду, но Грейтхаус схватил его за шиворот, посмотрел на него, твердо сказал:

– Нет, – и, как ребенка, усадил обратно на стул.

Нэк не стал больше пытаться вставать, и правильно сделал.

Единственная в заведении дама, издав страшный вопль, метнула в Зеду кружку с намерением размозжить ему голову. Но кружка в цель не попала: Зед поймал ее одной рукой. Помедлив мгновение, чтобы прицелиться, Зед, в свою очередь, запустил кружкой прямо в лоб джентльмену с клинком, и тот рухнул без чувств.

– Убии!.. Убии!.. – завопил Скелли, очевидно желая прокричать: «Убили!», но рот его не мог справиться с задачей. Он все-таки сумел по-крабьи резво проковылять мимо Зеду и вырваться через дверь на Уолл-стрит, голося: – Убии!.. Убии!.. – и направляясь через улицу напрямик к «Кошачьей лапке».

Твердолобый Боскинз воспользовался моментом, чтобы проявить себя. Он метнулся вперед – со скоростью, которой трудно было ожидать от такого крупного человека, – и выплеснул оставшееся в его кружке бренди прямо в глаза Зеду.

От боли раб издал гортанный звук и отшатнулся, вскинув обе руки, чтобы протереть глаза, и поэтому не увидев (а Мэтью и Грейтхаус увидели), как Твердолобый достал из кармана и ловко нацепил на пальцы правой руки медный кастет.

С Мэтью было достаточно.

– А ну-ка хватит! – крикнул он и двинулся на помощь Зеду, но чья-то рука схватила его за сюртук и дернула назад, от греха подальше.

– Стой, где стоишь, – сказал Грейтхаус тоном, означавшим, что спорить бесполезно.

Видя, что Зед ослеплен бренди, Бейтер осмелел. Он рванулся вперед и что было сил ударил Зеду в левую скулу, а потом пнул в правую голень, и та хрустнула так громко, что у Мэтью не оставалось сомнений: кость треснула. Внезапно к Бейтеру протянулись две черные руки, затрещала рвущаяся ткань, и Бейтер лишился большей части своей рубашки. Зед почти небрежно выбросил вперед локоть, и короткий нос Бейтера, торчавший над его разинутым ртом, был разбит таким мощным ударом, что кровью забрызгало даже висевшие под потолком фонари. Бейтер заголосил, словно младенец, зовущий мать, упал, подполз по полу к Твердолобому и схватился за его ноги. Тот заорал:

– Пошел к черту! – и яростно задрывал ногами, пытаясь освободиться, а Зед в это время промокал глаза Бейтеровой рубашкой, удаляя остатки жгучего бренди.

И вот, как и ожидал Мэтью, настал момент, когда должны были схватиться два лысых быка.

Твердолобый не стал дожидаться другого удобного момента. Пинком отбросив в сторону всхлипывающего Бейтера, он шагнул вперед и что есть силы двинул кулаком с кастетом Зеду в лицо. Но бандитское оружие встретило на своем пути один лишь воздух: Зед увернулся – только что был здесь, и вот его уже нет. Вторая попытка принесла тот же результат. Твердоло-

бый теснил противника, подняв левую руку, чтобы отразить нападение, а правой ожесточенно молотил по воздуху.

– Врежь ему! Врежь! – во все горло орала дама.

Упорства у Твердолобого было хоть отбавляй, и звериной силой он уж точно не был обделен. Но удача от него отвернулась: куда бы он ни метил своим кастетом, Зеда-невольника там уже не было. Удары сыпались все быстрее, но и Зед все скорее уворачивался от них. Лоб Боскинза блестел от пота, грудь ходила ходуном. Через дверь, висевшую на одной петле после того, как Скелли так невежливо ушел, с пьяными криками потекла развеселая толпа, прибывшая, по-видимому, из «Кошачьей лапки». Зед не обращал на входящих ни малейшего внимания, посвятив все усилия тому, чтобы не поцеловаться с кастетом.

– Стой на месте и дерись, черный трус! – брызгая слюной, рявкнул Твердолобый.

Он махал кулаком уже как попало и все с меньшей силой. В отчаянии он потянулся к Зедову шейному платку, чтобы удержать раба на месте, но не успели его пальцы уцепиться за шелк, как Зед отвел правую руку назад, и кулак его врезался Твердолобому прямо в челюсть – со страшным глухим стуком твердо ударилась плоть о плоть, и ликующие крики мгновенно стихли, как будто таверну только что посетило мистическое видение. Твердолобый закатил глаза, колени у него подогнулись, но он не выпускал из пальцев шейный платок Зеда, а правый кулак занес для ответного удара просто машинально, ибо способность соображать явно покинула его.

Зед легко, чуть качнув головой, увернулся. И тут произошло то, о чем потом будут судачить повсюду, от Большого дока до Почтового тракта: Зед подхватил Твердолобого Боскинза, как мешок кукурузной муки, и, крутанув, швырнул твердым лбом вперед в заколоченное окно, сквозь которое уже вылетело так много жертв других потасовок, – правда, те были далеко не такими крупными. Когда Твердолобый с грохотом вывалился наружу, где его ожидала жестокая встреча с Уолл-стрит, вся фасадная стена содрогнулась, и собравшиеся там поспешили с воплями отступить из страха, что она обрушится. Застонали стропила, посыпались опилки, заскрипели цепи, на которых взад-вперед раскачивались фонари, а в развороченном дверном проеме появился главный констебль Гарднер Лиллехорн.

– Что здесь происходит, семь чертей вам в зубы? – прокричал он.

– Сэр! Сэр! – Нэк уже снова был на ногах и шатко двигался к двери. Мэтью заметил: то ли констебль пролил себе на колени свой напиток, то ли ночной горшок ему уже не понадобится. – Сэр, я пытался прекратить это! Клянусь!

Проходя мимо Зеда, он шарахнулся в сторону, словно боялся, что его постигнет участь Твердолобого и он тоже вылетит в окно.

– Да заткнись ты! – ответил ему Лиллехорн. Ярko разодетый, в костюме и треуголку тыквенного цвета и чулки, желтевшие над начищенными коричневыми сапогами, он вошел в таверну и с отвращением сморщил нос, обводя место происшествия критическим взглядом. – Трупы есть?

– Эта ворона хотела всех нас убить! – крикнула дама. В каждой руке у нее было по недопитой кружке с бренди, которые она позволила себе прихватить со стола, где до этого сидели портовики. – Посмотрите, что он сделал с этими беднягами!

Лиллехорн постукивал по ладони затянутой в перчатку левой руки серебряной львиной головой, украшавшей его черную лакированную трость. Поворачивая бледное длинное лицо с тщательно подстриженной черной эспаньолкой и усами, он внимательно осматривал зал. Его узкие черные глаза были такого же цвета, как и волосы, которые он, как поговаривали, обильно красил тушью и которые были собраны сзади в косицу ленточкой в цвет чулок.

Бейтер все хныкал, обхватив обеими руками то, что осталось от его носа. Работяги с причала зашевелились, а один из них исторг из себя поток зловонной жидкости, отчего у Лиллехорна перехватило дыхание, так что он прижал к своим тонким ноздрям желтый носовой пла-

ток. Джордж и его товарищ пришли в сознание, но так и сидели за столом, моргая, как будто тщились понять, из-за чего весь этот переполох. Два джентльмена пытались оживить неудачливого фехтовальщика, который принялся сучить ногами, словно силился удрать от кружки, отправившей его в царство грез. В дальнем углу столбом замер скрипач, бережно прижимая к себе свой инструмент. На улице оживленно галдели зеваки, заглядывавшие в дверь и зияющий проем, через который вылетел Твердолобый.

– Омерзительно, – сказал Лиллехорн. Его холодный взгляд не задержался на Мэтью, скользнул по великану-невольнику, неподвижно стоявшему с опущенной головой, и остановился на Хадсоне Грейтхаусе. – Я мог бы и догадаться, что вы здесь, когда за два квартала услышал, как орет Скелли. Вы единственный в городе, кто способен так напугать старого негодяя, что у него оторвалась борода. Или все это безобразие устроил раб?

– Спасибо за комплимент, – сказал Грейтхаус все с той же самодовольной (и до чего же бесящей) улыбочкой. – Но я уверен: поговорив с очевидцами – с теми из них, кто трезв, разумеется... так вот, вы легко убедитесь, что невольник мистера Маккаггерса лишь принял меры к тому, чтобы мне или ему самому не нанесли физического ущерба. Я считаю, он отлично справился с задачей.

Лиллехорн снова перевел взгляд на Зеда, уставившегося в пол. Уличный гомон тем временем приобретал угрожающие нотки. До Мэтью долетали такие выражения, как «ворона гробокопателя», «зверь черномазый» и кое-что похуже, в сочетании со словами «угрохал», «вымазать дегтем» и «обвалить в перьях».

– Это противозаконно! – внезапно вспомнил о своей должности Нэк. – Сэр! По закону рабу не место в таверне!

– В тюрьму его! – оторвавшись от кружки, завопила дама. – Всех их за решетку, черт подери!

– В тюрьму? – вскинул брови Грейтхаус. – Слушайте, Гарднер! Вы думаете, это будет правильно? Просто... если я проведу там три или четыре дня... да хоть бы и один день – я, скорее всего, так ослабну, что не смогу выполнять свои обязанности. Но поскольку встретиться здесь с невольником мистера Маккаггерса – затея моя и только моя, то и отвечать по закону придется мне.

– Сэр, к позорному столбу, я считаю! Всех их! – Маленькие злые глаза Нэка сверкнули. Он ткнул концом своей дубинки в грудь Мэтью. – Или каленым железом клеймить!

Лиллехорн промолчал. С улицы доносилась все более гнусная ругань. Он склонил голову набок, посмотрел сначала на Грейтхауса, потом на Зеда и снова на Грейтхауса. Главный констебль был строен, миниатюрного телосложения, на несколько дюймов ниже Мэтью и рядом с крупными мужчинами казался чуть ли не карликом. Несмотря на это, он планировал сделать в городе Нью-Йорке грандиозную карьеру. Стать в один прекрасный день мэром, да что там мэром, губернатором колонии – вот каковы были мехи, раздувавшие пламя его честолюбия.

– Что будет лучше, сэр? – настойчиво вопрошал Нэк. – К столбу или клеймить?

– Позорный столб вполне подойдет, – ответил Лиллехорн, не глядя на Нэка, – для констебля-тряпки, который напивается вдрызг при исполнении обязанностей и допускает во время своего дежурства такое нарушение закона. И будьте добры, хватит про каленое железо, а то вам самому клеймо на задницу поставят.

– Но... сэр... я хотел сказать... – пролепетал Нэк, и лицо его залилось алой краской.

– Молчать. – Лиллехорн отмахнулся от него тростью с львиной головой. Затем подступил вплотную к Грейтхаусу и направил свой взгляд чуть ли не ему в ноздри. – Послушайте, сэр. Я не люблю, когда на меня пытаются давить, понятно? Чего бы это ни касалось. Так вот, не знаю, в какие игры вы тут сегодня играли, да и, наверное, знать не желаю, но чтобы больше этого не было. Ясно, сэр?

– Разумеется, – без колебаний ответил Грейтхаус.

Сидевший на полу поверженный фехтовальщик, на лбу у которого вскочила огромная шишка и красовался синяк, крикнул:

– Требую удовлетворения!

– А я удовлетворен знанием, что вы дурак, мистер Гиддинс, – спокойным, четким и совершенно бесстрастным голосом сказал Лиллехорн. – За обнажение клинка в общественном месте с целью нанесения телесных повреждений положено наказание в виде десяти ударов плетью. Хотите продолжить?

Ничего не сказав, Гиддинс протянул руку и забрал свое оружие.

Крики на улице, привлекавшие все больше народу (разумеется, главным образом пьяниц и головорезов) из других питейных заведений, становились все громче, угрожая самосудом. Зед не поднимал головы, у Мэтью вспотел загривок. Даже Грейтхаус начал с некоторым беспокойством поглядывать на единственный выход.

– Иногда досада берет от того, чем приходится заниматься, – посетовал Лиллехорн. Потом посмотрел в лицо Мэтью и насмешливо улыбнулся. – Не устали еще строить из себя молодого героя? – Не дожидаясь ответа, он сказал: – Ну идемте. Я выведу вас отсюда. Нэк, стойте на страже, пока я не пришлю кого-нибудь достойнее.

Держа трость у плеча, он двинулся в сторону двери.

За ним, взяв шапку и плащ, последовал Грейтхаус, а затем и Зед с Мэтью. Те из публики в таверне, кто еще способен был говорить, изрыгали им в спины грязные проклятия, а глаза Нэка метали молнии в младшего партнера бюро «Герральд».

Собравшаяся снаружи толпа, состоявшая по меньшей мере из трех десятков мужчин и полудюжины одурманенных спиртным женщин, подалась вперед.

– Назад! Всем назад! – приказал Лиллехорн, но даже голоса главного констебля оказалось недостаточно, чтобы погасить огонь разгорающегося пожара.

Мэтью было хорошо известно, что толпа в Нью-Йорке обязательно набежит в трех случаях, будь то день или ночь: когда появляется уличный торговец, когда кто-нибудь держит речь и когда наклеивается шумное развлечение с мордобитием.

Сквозь толпу он увидел, что Твердолобый уцелел после своего полета, у него только была рассечена бровь и по лицу стекала кровь, но к бою он явно был готов по-прежнему плохо: крутился и мотался как волчок, обоими кулаками колошматя по воздуху. Кто-то из толпы заламывал ему руки, другой обхватил за талию, потом с ревом подскочили еще пятеро, и завязалась всеобщая свалка, в которой Твердолобого вовсю мутузили, а сам он не мог даже рукой махнуть. Тощий старик-попрошайка поднял бубен и стал бить в него, пританцовывая, но какой-то человек, обладавший музыкальным вкусом, вышиб инструмент у него из руки, и нищий принялся драться и сквернословить, как дикарь.

Но кольцо горожан сжималось вокруг намеченной жертвы – Зеда. Они дергали, щипали его и тут же отскакивали. Один из них приблизился и потянул его за порванный сюртук, но Зед не поднимал головы и не обращал ни на кого внимания. Взметались раскаты безобразного смеха – так смеются скоты и трусы. Замыкая процессию, медленно двигавшуюся в этих опасных условиях по Уолл-стрит, Мэтью вдруг заметил, что ветер стих. Воздух был совершенно неподвижен, пахло морем.

– Вот что. – Грейтхаус отстал и пошел рядом с Мэтью. Говорил он сдержанным голосом, что случалось нечасто. – Утром. В половине восьмого у Салли Алмонд. Все объясню. – Он на секунду замолчал при звуке разбившейся о стену бутылки. – Если выберемся отсюда, – добавил он.

– Назад! А ну-ка, все! – закричал Лиллехорн. – Спрагс, мне не до шуток! Дай нам пройти, или, клянусь, я пробью тебе череп! – Он поднял трость – не угрожая, а эффекта ради; народу все прибывало, руки у многих уже сжимались в кулаки. – Нельсон Раутледж! Тебе что, больше нечем заняться вместо того, чтобы...

Он не договорил: в следующее мгновение слова были уже не нужны.

Зед поднял голову к небу цвета черного дерева, и из глубин его глотки вырвался звук, который сначала напоминал рев раненого быка, он взмывал все выше и выше, куда-то к грозным высотам над крышами домов и трубами, доками и амбарами, загонами, скотными дворами и бойнями. Да, сперва этот звук был похож на крик раненого быка, но, поднимаясь, он в какое-то мгновение вдруг превратился в плач брошенного ребенка, которому одиноко и страшно в темноте.

Все другие звуки стихли от этого крика. Долго еще он несся, в одну сторону – над городом, в другую – над водой.

Руки у всех застыли в неподвижности, кулаки раскрылись. И у всех, даже тех, кто скалил зубы, распух от пьянства и злобно таращил глаза, сжались от стыда губы, ведь каждый в этой толпе сам мог бы рассказать о страдании, но никому не приходилось слышать, чтобы о нем говорили так доходчиво и страшно.

Зед снова опустил голову. Мэтью смотрел в землю. Всем пора было по домам: к женам, мужьям, любовникам, детям. В свою постель. Домой, туда, где им и положено быть.

Сверкнула молния, гроыхнул гром, и, прежде чем люди начали разбредаться, на толпу с безжалостной силой обрушился дождь, как будто вселенная накренилась на своей оси и на сушу хлынуло холодное море. Кто-то бросился искать где бы спрятаться, кто-то медленно, сгорбившись, плелся прочь с мрачным лицом, и через несколько минут Уолл-стрит опустела – один только ливень свирепствовал на улице.

Глава 3

– Ну же. – Мэтью сложил перед собой на столе руки. Он только что повесил свою треуголку на крючок и сел, но Грейтхаус был слишком увлечен поеданием завтрака – яичница из восьми яиц, четыре маслянистые, лоснящиеся колбаски и шесть кукурузных лепешек на огромном темно-красном блюде – и не поднял головы. – Что там за дело?

Грейтхаус не торопился отвечать, с наслаждением прихлебывая самый горячий и черный чай, какой только умели заварить на кухне таверны Салли Алмонд на Нассау-стрит.

Вряд ли нашлись бы два более непохожих друг на друга трактира, чем это респектабельное заведение и гнилая дыра, которую они посетили прошлым вечером. Если раньше центром города была ратуша, то теперь, когда улицы и жилые кварталы протянулись дальше на север, можно было сказать, что центром стал ресторанчик Салли, располагавшийся в чистеньком белом каменном здании с серой шиферной крышей под сенью рослого дуба. В этой гостеприимной таверне было тепло, всегда пахло пряностями для глинтвейна, копченьями и свежеспеченными пирогами. Пол здесь тщательно подметался, кругом стояли вазы со свежесрезанными цветами, а с первыми осенними холодами растапливался большой камин из природного камня. Завтракать, обедать и ужинать в таверну Салли Алмонд приходили и местные жители, и приезжие, дела шли бойко, и мадам Алмонд даже часто сама расхаживала среди посетителей, наигрывая на лире, и пела что-нибудь своим легким, воздушным и чрезвычайно приятным голосом.

Дождь лил всю ночь, но перед рассветом прекратился. За большим окном, выходящим на Нассау-стрит, шли люди, ехали фургоны, экипажи, брел скот, а сквозь облака пробивались серебристые лучи солнечного света. Прямо через улицу находилось желтое кирпичное здание пансиона Мэри Беловэр, в котором временно жил Грейтхаус – до тех пор, пока не найдет, по его выражению, «жилье, более приличествующее холостяку». Под этим он имел в виду, что мадам Беловэр, хоть и добрая душа, постоянно следит за тем, когда приходят и уходят ее постояльцы, и даже взяла в привычку советовать им регулярно посещать церковные службы, воздерживаться от сквернословия и употребления спиртных напитков и вести себя подобающим обра-

зом с противоположным полом. От всего этого Грейтхаус скрежетал своими большими белыми зубами. Последним из начинаний мадам Беловэр были ее попытки свести его с несколькими дамами, которых она считала добропорядочными и благовоспитанными, что в глазах Грейтхауса делало их столь же привлекательными, как миска студня из телячьих ножек. Поэтому неудивительно, что Грейтхаус стал некоторые ночи проводить за работой в доме номер семь по Стоун-стрит, но Мэтью-то знал, что его старший партнер спит там на походной койке в обществе бутылки бренди.

Конечно, это не значит, что кому-то из них двоих пришлось последние несколько недель скучать. Куда там. С тех пор как «Уховертка» обеспечила бюро «Герральд» известность, так и сыпались письма и не прекращался поток посетителей, просивших помочь в каком-нибудь деле. Мэтью выпало на долю выручать молодого человека, влюбившегося в девушку-индеанку и желавшего доказать ее отцу, вождю племени, что он достоин ее руки. А после одной дикой и невероятной ночной скачки Мэтью пришел к выводу, что не все создания на земле Божьей сотворены Господней рукой. Было еще происшествие с игрой в лото-картинки, когда у одного азартного игрока шайка головорезов обманом увела дорогую его сердцу лошадь. Грейтхаусу досталось суровое испытание в Доме на краю света, едва не стоившее ему жизни, и жуткое дело о завещании доктора Гробсона.

За тем ужином в середине лета, когда миссис Герральд предложила Мэтью место «решателя проблем» в бюро, которое ее муж Ричард основал в Лондоне, она сказала: «Уверяю тебя, Мэтью, преступный мир не только Англии, но и всей Европы поглядывает в эту сторону и чует: здесь есть чем поживиться. Похитители, фальшивомонетчики, поддельщики документов, воры всех мастей, наемные убийцы, растлители – все любители легкой и противозаконной наживы рано или поздно потянутся сюда, я даже могу тебе назвать их поименно. Но меня беспокоят не сами эти мелкие злоумышленники, а главари процветающего подполья. Те, кто всем верховодит. Очень могущественные и очень опасные люди, которые в этот самый момент сидят за столом, точно как мы, только ножи они занесли над картой Нового Света и аппетит у них зверский».

«Так и есть», – подумал Мэтью. Ему уже пришлось столкнуться с человеком, у которого в руках был самый большой нож, и порой, в тяжелые минуты, он представлял себе, как ему к шее приставляют его лезвие.

Грейтхаус поставил чашку на стол.

– Зед – га, – сказал он.

Мэтью решил, что неправильно расслышал.

– Га?

– Га, – ответил Грейтхаус. Его взгляд метнулся в сторону. – А вот и Эвелин.

К их столу приближалась Эвелин Шелтон, одна из двух официанток таверны. Ее зеленые глаза блестели, белокурые волосы были как причесанное облако. Работая еще и учительницей танцев, она умела проворно справляться с утренним наплывом посетителей. На ее запястьях щелкали и позвякивали браслеты из слоновой кости и меди.

– Мэтью! – с широкой улыбкой приветствовала она его. – Чего желаете?

«Нового комплекта ушей», – мелькнуло у него в голове: он так пока и не понял, что такое «га».

– Да не знаю. У вас сегодня есть кренделя?

– Только что испекли.

– Попробовал бы острую колбаску, – настоятельно посоветовал Грейтхаус, сам вгрызаясь в очередную. – Они сделают из него мужчину, скажи ему, Эвелин.

Она засмеялась, и словно стеклянные колокольчики зазвенели в таверне.

– Да, они правда остренькие! Но их уминают так быстро, что нам не хватает запаса! Они у нас только несколько дней в месяц бывают, так что, если хотите попробовать, поторопитесь заказать!

– Пусть мистер Грейтхаус наслаждается огненным и остреньким, – ответил сделавший свой выбор Мэтью. – Мне крендель, маленькую миску рокахомини¹, бекона и сидра, спасибо. – Когда официантка удалилась, он вернулся к разговору с коллегой, сидевшим на другой стороне стола. – Что все-таки такое га?

– Племя га. Ух, дерет так дерет! – Ему пришлось промокнуть лоб салфеткой. – Но вкусно, черт возьми. Зед – из племени га. С побережья Западной Африки. Я так и предположил, когда ты еще тогда рассказал мне про шрамы у него на лице. Их наносят некоторым детям, совсем малолетним. Тем, которых отбирают, чтобы воспитать из них воинов. – Он отпил еще чаю, но от колбаски, видимо, невозможно было оторваться, и он тут же снова принялся за нее. – Потом я сам увидел эти шрамы и тогда решил посмотреть, насколько хорош Зед в драке. Мне кажется, он действовал очень профессионально, а ты что думаешь?

– Я думаю, что из-за вас он мог погибнуть, – мрачно сказал Мэтью. – И мы тоже.

– Много ты знаешь. Мало найдется в мире тех, кто бьется врукопашную так же хорошо, как воины га. К тому же они славятся своим бесстрашием. Зед, можно сказать, вчера себя сдерживал. Он мог бы всем там шеи переломать и даже не вспотеть.

– Если это так, – сказал Мэтью, – то почему он раб? Казалось бы, такой бесстрашный воин должен был бы хоть как-то попытаться сбросить с себя веревку работорговца.

– А. – Грейтхаус кивнул и прожевал еду. – Логично, поэтому я и договорился с Маккаггерсом о том, чтобы устроить Зеду испытание. Га очень редко попадают в рабство. Видишь ли, Маккаггерс не понимает, чем он владеет. Ему нужен был самый крупный невольник, которого только можно купить, чтобы носить трупы. Он не знал, что покупает боевую машину. Но я хотел выяснить, что Зед умеет, а «Петушиный хвост» оказался мне для этого подходящим местом.

– А как вы объясните то, что эта... боевая машина стала рабом, почему же он не стал драться, чтобы выйти из этого неприятного положения?

Грейтхаус надкусил кукурузную лепешку и легонько постучал вилкой по блюду. Ожидая, пока Грейтхаус заговорит, Мэтью обратил внимание, что все тарелки и чашки имеют модную нынче расцветку, известную под названием «Кровь индейца», и куплены Салли Алмонд у Хайрама Стокли, который, отремонтировав свою гончарную мастерскую, начал экспериментировать с разными видами глазури. Благодаря приступу ярости быка Брута, гончарня Стокли удвоила свой доход.

– Причина, по которой он оказался в «неприятном положении», как ты это называешь, – наконец ответил Грейтхаус, – скорее всего, так и останется неизвестной. Но, наверное, даже лучшего в мире воина могут огреть сзади дубиной или поймать в сеть, а потом навалиться вшестером или всемером, или он может решить пожертвовать собой ради того, чтобы кто-то другой смог вырваться из цепей. Его соплеменники – рыбаки, они с давних пор ходят в море. Его могли схватить, когда он был в лодке и ему некуда было бежать. Языка же он мог лишиться, потому что не хотел сдаваться без боя, а потом какой-нибудь сострадательный работорговец объяснил, что дальше ему отхватят еще какую-нибудь часть тела. Могло случиться все, что угодно, но, как я сказал, мы вряд ли когда-нибудь узнаем, что именно.

– Тогда я не понимаю, почему он просто не грохнул Маккаггерса и не унес ноги.

– А зачем ему это? – Грейтхаус внимательно смотрел на Мэтью, как будто перед ним сидел слабоумный. – Куда бы он делся? Какой ему смысл? Насколько мне известно, Маккаггерс

¹ Поджаренные, а затем истолченные кукурузные зерна (блюдо североамериканских индейцев). – *Здесь и далее примеч. перев.*

к нему добр, и Зед отвечает ему верностью... – Он замолк, сверяясь с внутренним компасом. – Насколько может быть верен раб, учитывая обстоятельства. Ну и это показывает, что Зед умен. Если бы это было не так, мне до него не было бы дела. Не стал бы я и платить Бенджамину Аулзу, чтобы он сшил ему приличный костюм.

– Что?! – Дело принимало серьезный оборот. Как, Грейтхаус даже заплатил за костюм? Чтобы его носил раб Маккаггерса? Придя в себя, Мэтью сказал: – Не могли бы вы объяснить мне – как можно вразумительнее и убедительнее, – чем именно вас так привлек Зед, что вы собрались аж нанять его на работу? Или про это мне пригрезилось?

– Нет, не пригрезилось. Вот твой завтрак.

Эвелин принесла на подносе то, что заказал Мэтью. Остальным посетителям она продемонстрировала пустой мешок, на котором красной краской значилось: «Колбаски миссис Таак», а ниже шла фирменная надпись: «Таакое удовольствие».

– Дорогие друзья, ни одной не осталось! – (В ответ на ее сообщение из-за столов разочарованно, но добродушно зашикали и засвистели.) – В следующем месяце должна прийти еще партия, мы вывесим об этом на улице объявление.

– Как их у вас расхватывают, – заметил Мэтью, когда Эвелин ставила перед ним блюдо.

– Не верят, что все раскуплено, пока собственными глазами не увидят. Если бы эта женщина не жила так далеко, в Пенсильвании, то Салли, наверное, затеяла бы с ней общее дело. Но так или иначе, – сказала она, пожимая плечами, – все дело в специях. Вам что-нибудь еще?

– Нет, достаточно, спасибо. – Когда Эвелин снова ушла и шум в зале стих, Мэтью пристально посмотрел в глаза Грейтхаусу, продолжавшему напротив него свою трапезу. – Вы ведь пошутили, что берете Зеда на работу.

– Я вовсе не шучу. И поскольку у меня есть полномочия от Кэтрин принимать решения в ее отсутствие, я намерен немедленно приступить к осуществлению этого замысла.

– К осуществлению замысла? Что это значит?

У Грейтхауса оставался недоеденным последний кусочек колбаски, который он, очевидно, оставил, чтобы посмаковать, когда расправится с кукурузными лепешками.

– Во-первых, бюро должно выкупить его у Маккаггерса.

– Выкупить?!

– Да-да, выкупить. Господи, Мэтью! Ты что, не высыпаешься? С первого раза теперь не понимаешь? – На лице Грейтхауса мелькнула озорная улыбка. – А, вон оно что! С внучкой Григсби небось гуляешь под луной?

– Да что вы!

– Ты говоришь одно, а твой румянец – другое.

– Мы с Берри друзья, – сказал Мэтью и поймал себя на том, что говорит очень напряженным и осторожным голосом. – Не более того.

Грейтхаус хмыкнул.

– По-моему, если два человека вместе спасаются бегством по винограднику, то они или никогда уже не захотят увидеть друг друга еще хоть раз, или станут больше чем друзьями. Но я рад, что ты о ней заговорил.

– Я? Я о ней не заговаривал!

Для пушей убедительности он с хрустом вонзил зубы в крендель.

– В моем плане есть место и для нее, – сказал Грейтхаус. – Я хочу купить Зеда у Маккаггерса и собираюсь ходатайствовать перед лордом Корнбери, чтобы он оформил Зеду вольную.

– Воль... – Мэтью замолчал, голова у него сегодня точно работала туговато. – И видимо, Маккаггерс охотно продаст вам раба, который так нужен ему и делает такую важную работу?

– Я еще не разговаривал об этом с Маккаггерсом. Пойми меня. – Он дожевал последний кусочек колбаски и снова потянулся за чаем. Но чая ему не хватило, и он умыкнул у Мэтью сидр и выпил половину. – Вот это дело с игрой в лото, за которое ты взялся. Пойти в разбойни-

чий притон и прикинуться пижоном-игроком. Ну, роль пижона тебе удалась, но, Мэтью, ведь ты подвергал себя там большой опасности, и не делай вид, что это не так. Если бы я знал, что ты в такое ввяжешься, то пошел бы с тобой.

– Вам же некогда было, – ответил Мэтью, имея в виду историю с доктором Гробсоном, из-за которой Грейтхаусу пришлось отправиться на другой берег реки, в Нью-Джерси. – И если я правильно понимаю круг моих служебных прав и обязанностей, я могу сам, без вашего одобрения, браться за дело или отказаться от него.

– Совершенно верно. Потому-то тебе и нужен человек, который будет прикрывать твою спину. Я заплатил Маккаггерсу за то, чтобы он разрешил Зеду наряжаться в купленный мной костюм и явиться в «Петушинный хвост». Я уверил его, что Зеду там не грозит опасность – и это же правда, если учесть его способности.

– Но вы ведь не знали, что это окажется правдой. Ему еще только предстояло показать себя. – Мэтью вернулся к фразе, заставившей его перестать хрустеть кренделем. – Прикрывать мою спину? Вы хотите сказать, что Зед будет моим телохранителем?

– Так, не кипятись. Послушай меня. Знаешь, какие указания я просил Маккаггерса дать Зеду вчера вечером? Защищать нас с тобой и самого себя. Я был готов прийти на помощь, если бы запахло жареным.

– Да, – кивая, сказал Мэтью. – Из-за вашей попытки прийти на помощь вы чуть не остались без руки.

– Все знают, что Скелли держит за стойкой топор! Мэтью, я же не идиот!

– Я тоже, – стараясь скрыть запальчивость за спокойным тоном, ответил Мэтью. – И телохранитель мне не нужен. Вам не приходило в голову, что в обществе раба можно нажать больше неприятностей, чем когда просто сам идешь куда-нибудь – например, в разбойничий притон, как вы выразились, – и выпутываешься, полагаясь только на свою смекалку? Зед бесстрашен, и это, конечно, здорово. Качество, достойное восхищения, нет спору. Но иногда бесстрашие и опрометчивость идут рука об руку.

– Ну да, а иногда франтовство и упрямство идут рука об задницу! – сказал Грейтхаус.

Трудно было сказать, от гнева или от колбасок запылали у него щеки, но в глубине его глаз загорелся и не сразу погас злой огонек – похожее предупреждение Мэтью время от времени видел, когда они тренировались в фехтовании и Грейтхаус забывал, где он находится, на краткий опасный миг уносясь в своем воображении на поля битв и в закоулки интриг, и закаливших его, и оставивших на нем шрамы. В такие мгновения Мэтью мог считать, что ему повезло, если его не проткнули: хоть он и совершенствовался в искусстве защищать свою шкуру, ему так и суждено было оставаться не более чем фехтовальщиком-любителем. Мэтью ничего не сказал. Он покосился в сторону и отпил сидра, ожидая, когда старший воин вернется из обогранных кровью коридоров памяти.

Грейтхаус захрустел суставами пальцев. «Кулаки у него вроде и так большие», – подумал Мэтью.

– Кэтрин возлагает на тебя большие надежды, – сказал Грейтхаус уже тише, примирительным тоном. – Я полностью согласен, что никто не вправе диктовать тебе, за какие дела браться, а за какие – нет. Но, как она предупреждала, в этом ремесле тебя, конечно же, всегда может подстеречь опасность, иногда смертельная. – Он помолчал, не переставая похрустывать пальцами. Ему не сразу удалось сказать то, что он хотел. – Я не могу быть с тобой постоянно, но мне бы очень не хотелось, чтобы на твоей надгробной плите значился тысяча семьсот второй год.

– Мне не нужен... – Мэтью замолчал на полуслове.

Его как будто накрыла тьма, словно черный плащ, не замечаемый посетителями, завтракавшими у Салли Алмонд. Он хорошо знал эту тьму. Это был страх, он приходил внезапно, от него начинало сильнее стучать сердце, а по вискам неприятно стекал пот. Все дело было

в белой карточке с кровавым отпечатком пальца. Карточка лежала в письменном столе в его обители, бывшей молочной, за домом Мармадюка Григсби. Об этой карточке, подброшенной под его дверь каким-то подозрительным типом после приключения с Королевой Бедлама, не было известно никому, кроме самого Мэтью. Он не хотел, чтобы об этом знала Берри и уж тем более ее дед, всегда державший наизготове перо в перепачканных чернилами пальцах. Время от времени Мэтью порывался поведать свою тайну Грейтхаусу, но каждый раз все-таки решал, что лучше молчать, а на тьму старался просто не обращать внимания. Но это порой было очень непросто.

Карточка была предупреждением, что ему грозит смерть. Нет, не грозит. Она ему обещана. Такую же карточку подбросили Ричарду Герральду, полубрату Грейтхауса, и через семь лет обещание было исполнено самым чудовищным способом. Такую же карточку получил и мировой судья Натаниел Пауэрс, у которого Мэтью работал секретарем и который свел Мэтью с Кэтрин Герральд. Обещание расправы продолжало витать над Пауэрсом, летом покинувшим Нью-Йорк с семьей и отправившимся в колонию Каролину помогать брату Дарему управлять табачной плантацией лорда Кента.

Обещанная смерть должна была наступить в этом или следующем году, или годом позже, или еще через год. Кто получал такую карточку с кровавым отпечатком пальца, того обязательно настигала рука профессора...

– Ты свое рокахомини есть собираешься? – спросил Грейтхаус. – Холодное оно куда не годится.

Мэтью покачал головой, и Грейтхаус подвинул его миску к себе.

В несколько мгновений здоровяк, четыре раза черпнув ложкой, почти полностью очистил миску от рокахомини, а тьма, накрывшая Мэтью, отступила – она всегда отступала. Сердце его снова билось ровно, капельки едкого пота испарились, он сидел спокойно, с бесстрастным выражением лица. Никто из присутствующих и не подозревал, что за сидящим рядом с ними молодым человеком гонится по пятам страшная смерть и преследование это может продолжаться годами – или закончиться сегодня же вечером на Бродвее ударом клинка в спину.

– Ты где?

Мэтью моргнул. Грейтхаус отодвинул миску.

– Ты был не здесь, – сказал он. – Я знаю этот адрес?

– Я думал про Зеда, – произнес Мэтью, стараясь говорить поубедительнее.

– Думай о чем хочешь, – быстро ответил Грейтхаус, – но я принял решение. Глупо, когда такой способный парень, как Зед, занят только тем, что таскает трупы. Говорю тебе, рабов я на своем веку перевидал, но чтобы невольником стал га – такого не было, и, если будет возможность выкупить его у Маккагтерса, можешь быть уверен, я предложу свою цену.

– А потом будете хлопотать о его освобождении?

– Совершенно верно. Как было отмечено прошлым вечером, закон запрещает рабам заходить в таверны. Какой толк будет от Зеда, если его не пустят туда, где он может нам понадобиться? – Грейтхаус полез в карман за деньгами. – И потом, я вообще против того, чтобы держать раба. Религия моя не позволяет. А раз в Нью-Йорке уже есть несколько вольноотпущенников – возьми хоть цирюльника Михея Рейно, – значит есть прецедент, и им можно воспользоваться. Доставай деньги, я зову Эвелин.

Он поднял руку, чтобы официантка принесла счет.

– Да, прецедент есть, – согласился Мэтью, – но всех их освободили еще до лорда Корн-берри. Не уверен, что удастся уговорить его подписать вольную.

– Всею свое время. Доставай деньги. Ты ведь уже поел?

Мэтью красноречиво замялся, а Грейтхаус откинулся на стуле и с шумом выдохнул.

– Только не говори мне, что у тебя нет денег. Опять.

– Я промолчу. – Мэтью чуть было не пожал плечами, но спохватился, что так может навлечь на себя гнев Грейтхауса, а хорошего в этом будет мало.

– Мне не следовало бы потакать тебе, – сказал Грейтхаус, когда к столу подошла Эвелин. – Это уже третий раз за неделю. – Он натянуто улыбнулся официантке, взял счет, просмотрел его и заплатил. – Спасибо, голубушка, – сказал он ей. – Деревянных дуитов² не бери.

Она снова засмеялась смехом, похожим на звон колокольчиков, и пошла по своим делам.

– Слишком ты тратишься на эти тряпки дурацкие, – сказал Грейтхаус, вставая со стула. – На что в этот раз у тебя ушли деньги? На эти новые сапоги?

Мэтью тоже поднялся и снял с крючка треуголку.

– Были тут кое-какие расходы.

За сапоги ему предстояло расплачиваться в четыре приема. Он уже заплатил половину за свой последний костюм, но еще должен был Бенджамину Аулзу за несколько рубашек. Но рубашки были просто отличные – белые, как мел, и голубые, как птичьи яйца, с оборками спереди и на манжетах. Опять же, по сегодняшней моде, как носят молодые люди со средствами. «Почему бы мне их не приобрести, – думал он, – если я хочу производить хорошее впечатление!»

– Это, конечно, твое дело, – сказал Грейтхаус, когда они шли к выходу из таверны. – До тех пор, пока не касается моего кармана. Ты знаешь, я все подсчитываю.

Они были уже почти у двери, когда женщина средних лет с густо завитыми седыми волосами, выбивавшимися из-под пурпурной шляпы, и восторженным остроносым личиком поднялась из-за стола, за которым сидели еще две дамы, и схватила Мэтью за рукав.

– Ах, мистер Корбетт! Можно вас на одно словечко?

– Да, мадам?

Он знал миссис Айрис Гэрроу, жену торговца рогами Стивена Гэрроу с Дьюк-стрит.

– Я хотела попросить вас, не могли бы вы подписать мне еще один экземпляр «Ухо-вертки» – когда вам будет удобно? Это ужасно, но первым экземпляром, который у меня был, Стивен нечаянно прихлопнул таракана. Я ему за это по ушам надавала!

– С удовольствием, мадам.

– Вы уже побывали в каких-нибудь новых переделках? – захлебываясь, спросила одна из двух других дам, Анна Уитаккер, жена олдермена от Портового округа.

– Нет, – ответил Грейтхаус так громко, что на их столе затряслись чашки с чаем. Он подхватил Мэтью под локоть и вытолкал в дверь. – Доброго вам утра!

На Нассау-стрит дул прохладный ветерок, с неба лился серебристый солнечный свет. Мэтью задумался о том, что вот сегодня ты знаменитость, а завтра твоим портретом размазывают таракана. Тем больше причин одеваться со вкусом, высоко держать голову и наслаждаться славой, пока она у тебя есть.

Они не очень далеко отошли от двери заведения Салли Алмонд, когда Грейтхаус остановился и сказал ему:

– И еще. Я хочу оценить умственные способности Зеда. Например, хорошо ли он понимает по-английски. И как быстро обучаем. Ты можешь мне помочь.

– Помочь? Каким образом?

Мэтью тут же понял, что лучше было не спрашивать.

– У тебя есть знакомый учитель, – сказал Грейтхаус. Сразу Мэтью ничего не ответил, и он подсказал: – Кто работает помощницей директора школы Брауна?

Ну конечно, Берри Григсби. Мэтью посторонился, чтобы дать дорогу фургону с привязанным сзади темно-желтым быком, которого вели на рынок.

² Мелкая голландская монета XVII–XVIII вв., медная или (реже) серебряная, составлявшая 1/160 гульдена.

– Хочу узнать ее мнение. Приходи сам и приводи свою подругу к четырем часам в ратушу. Подниметесь на чердак к Маккаггерсу.

– О, ей это понравится!

Мэтью представил себе, что будет с Берри на этом чердаке, где Маккаггерс держит скелеты и другие страшные реликвии коронерского ремесла. Она вылетит оттуда, как ядро из пушки-двенадцатифунтовки.

– Необязательно, чтобы ей там понравилось или чтоб там нравилось тебе. Главное, чтобы вы пришли. – Грейтхаус прищурился, и его взгляд скользнул вдоль Нассау-стрит в северном направлении. – У меня тут дела, это может занять какое-то время. Смею надеяться, у тебя есть чем сегодня заняться, не подвергая свою жизнь опасности?

– Найду.

Мэтью всегда ждали подробные отчеты о прошлых делах, которые он писал. Бывших секретарей не бывает.

– Тогда увидимся в четыре, – сказал Грейтхаус и размашисто зашагал на север по улице, запруженной утренним потоком транспорта и людей.

Мэтью смотрел ему вслед. «У меня тут дела». Что-то затевается. Грейтхаус вышел на охоту. Мэтью почти видел, как он вынюхивает что-то в воздухе. Он в своей стихии – волк среди овец. Значит, взял какое-то дело? Интересно, кто к нему обратился? Если взял, то скрывает от Мэтью. Впрочем, и Мэтью кое-что от него скрывает. У него на самом деле два секрета: кровавая карта и сумма его долга.

Даже три.

Грейтхаус сказал: «Приводи свою подругу».

«О, если бы она была не просто подругой», – подумал Мэтью.

Но в его положении, в его опасной профессии, когда ему выпала кровавая карта...

Приходится довольствоваться тем, что она «просто подруга».

Проводив Грейтхауса взглядом, пока тот не скрылся из виду, Мэтью пошел по Нассау-стрит в южную сторону. Он направился к дому номер семь по Стоун-стрит, где ему предстояло провести первую половину этого дня, делая записи в своем дневнике и время от времени отрываясь, чтобы прислушаться к неясным звукам – возможно, к далекому смеху призраков.

Глава 4

По голубому небу плыли облака, солнце озаряло деревни и холмы, покрытые мазками красного, золотого и медного цвета. День шел своим чередом, как и дела в Нью-Йорке. Мимо Устричного острова к городу подходил корабль с развевающимися белыми парусами, чтобы пришвартоваться у Большого дока. Разъездные торговцы, бойко продававшие со своих телег всякую всячину: сласти, хрустящие свиные шкурки, жареные каштаны, – привлекали публику к своему товару с помощью молодых девушек, танцевавших под звуки тамбуринов. На Бродвее упрямый мул, решивший продемонстрировать силу воли, тащил телегу с кирпичами и застрял на месте, из-за чего образовалась пробка, кое у кого сдали нервы, и четверо мужчин подрались. Чтобы охладить горячие головы, понадобилось окатить их водой из ведер. Компания ирокезов, приехавших в город продавать оленьи шкуры, важно наблюдала за этим зрелищем и посмеивалась, прикрыв рты руками.

На кладбище за черной чугунной оградой у церкви Троицы время от времени заходили женщины, иногда сюда забредал мужчина. Там, в тени пожелтевших деревьев, человеку, покинувшему земную юдоль, близкие оставляли цветок или произносили над могилой несколько тихих слов. Но долго здесь не задерживались, ведь все знают: достойных пилигримов Бог принимает с распростертыми объятиями, но жизнь принадлежит живым.

На реках рыбацкие лодки поднимали из воды сети, в которых сверкали полосатые окуни, сельди, камбалы и луцианы. Между верфью Ван Дама на Кинг-стрит и пристанью на Гудзоне в Уихокене неустанно ходил паром; правда, из-за ветра или течения даже такая простая переправа часто оборачивалась для путешественников и торговцев трехчасовым приключением.

По всему городу весь день ярко горели бесчисленные огни коммерции: от печей кузнецов до котлов свечников, – выпуская вверх через трубы (отраду каменщика) завитушки дыма – словно подписи. А ближе к земле мастера трудились над постройкой зданий – цивилизация продвигалась на север. Грохот молотков и скрежет пил, казалось, не прекращались ни на минуту, и некоторые из старейших голландских переселенцев вспоминали тишину старых добрых дней.

Особого интереса заслуживало твердое намерение нового мэра Филлипа Френча, плотного, квадратного человека, замостить булыжником как можно больше городских улиц. Работы тоже должны были вестись в направлении к северу от Уолл-стрит, но на это требовались деньги из казны, и поэтому проекту пока чинил бюрократические препоны губернатор лорд Корнбери, которого в это время редко видели на людях за пределами его особняка в форте Уильям-Генри.

Это была обычная жизнь Нью-Йорка. Изо дня в день шла она с тем же постоянством, с каким наступают рассвет и закат. Но того, что происходило в этот день, в четыре ноль-ноль по серебряным часам Мэтью, прежде не бывало. Никогда еще Берри Григсби не поднималась по узкой лестнице наверху ратуши в чердачные владения Эштона Маккаггера.

– Осторожно, – сказал Мэтью, опасаясь, как бы она не оступилась, но тут же сам промахнулся мимо ступеньки и, чтобы не рухнуть, машинально ухватился за юбку Берри.

– Прощаю тебя, – сухо сказала она и высвободила юбку, а его рука отлетела, словно птица, нечаянно севшая на раскаленный противень.

Берри собралась с духом и продолжила подъем по оставшимся ступенькам, которые привели ее к двери наверху. Она оглянулась на Мэтью, он кивнул, и она, как они и договорились, постучала в дверь.

Отношения у них в это время – как, вероятно, следовало бы выразиться «решающе проблем» – были сложные. Оба понимали, что дед Берри пригласил ее из Англии не столько для того, чтобы найти ей здесь работу, сколько чтобы ей сделали предложение. Первым в списке подходящих кандидатов в женихи (по крайней мере, в замыслах Мармадюка) значился нью-оркец по фамилии Корбетт, поэтому Мэтью и было предложено превратить молочную в собственный особнячок, делить трапезу с семейством Григсби и наслаждаться его обществом, ведь до их дома было всего несколько шагов. «Просто пройди с ней немного, покажи город, – настаивал Мармадюк. – Сходите пару раз на танцы. Ты же от этого не умрешь?»

Мэтью не был в этом так уж уверен. Человек, который в последний раз был при ней в качестве кавалера, его друг и партнер по игре в шахматы Ефрем Аулз, сын портного, однажды вечером провожая Берри домой по берегу Ист-Ривер, угодил ногой в нору мускусной крысы, и с танцами у него было покончено до тех пор, пока не заживет опухшая лодыжка. Но когда бы в последнее время Мэтью ни встретил своего друга – сидел ли тот в «Рыси да галопе» или хромал по улице с костылем, – глаза Ефрема тут же расширялись за круглыми стеклами его очков, и он интересовался, во что Берри сегодня одета, куда идет, не вспоминала ли о нем, и предавался тому подобной дурацкой болтовне. «Да не знаю я! – довольно резко отвечал ему Мэтью. – Я же не сторож ей! И времени у меня нет даже на то, чтобы говорить о ней». – «Но, Мэтью, Мэтью! – Вид у Ефрема, ковыляющего со своим костылем, был разнесчастный. – Ты ведь согласишься, что красивее ее девушки нет?»

В этом Мэтью тоже не был уверен, но, дожидаясь вплотную к ней на узенькой лестнице, когда Маккаггерс ответит на стук, точно знал, что аромат от нее исходит приятный. Наверное, это благоухали коричневым мылом локоны ее медно-рыжих волос или веяло легким сладким запахом полевых цветов, украшавших края ее соломенной шляпы. Ей было девятнадцать, день

ее рождения приходился на конец июня, и в последний раз его отпраздновали, если можно так выразиться, на борту злополучного судна, в середине лета доставившего ее через Атлантику, и по сходням тогда шатко спустилось полубезумное запаршивевшее существо – такой ее впервые увидел Мэтью. Но это было тогда, а сейчас – это сейчас, и слава Богу. Щеки Берри и ее точеный нос были усыпаны веснушками, подбородок у нее был твердый и решительный, а синие глаза смотрели на мир с тем же любопытством, что и глаза ее уважаемого деда. На ней было платье лавандового цвета, плечи прикрывала кружевная шаль: от дождя, пролившегося прошлой ночью, похолодало. До первой их встречи Мэтью ожидал, что внучка неладно сложенного Мармадюка тоже будет карлицей, но Берри оказалась почти такого же роста, как он сам, и ее никак нельзя было назвать коротышкой. На самом деле Мэтью нашел, что она красива. Более того, он обнаружил, что с ней интересно. Ее рассказы за совместными трапезами у Мармадюка о Лондоне, его жителях и ее путешествиях по английской глубинке (и зловещих) приводили его в восторг. Он надеялся когда-нибудь увидеть этот огромный город, который влек его к себе не только своей многоликостью, но и атмосферой интриг и опасностей, сведения о которой он черпал из лондонской «Газетт». Конечно, чтобы попасть туда, нужно еще дожить: интриг и опасностей хватает и в Нью-Йорке.

– Чего ты так на меня смотришь? – спросила Берри.

– Как «так»?

Мысли его успели улететь далеко, а взгляд задержался на ней. Мэтью заставил себя вернуться в настоящее. В ответ на стук Берри заслонка, прикрывавшая маленькое квадратное окошко в двери, поднялась, и в проеме показался темно-карий глаз за стеклом очков. Когда Мэтью поднялся сюда в первый раз, он стал свидетелем экспериментов Маккаггера с пальбой по Элси и Розалинде, двум манекенам, служившим ему мишенями. И увидел другие вещи, хранившиеся за этой дверью. Через пару минут Берри поспешит ретироваться отсюда вниз по лестнице.

Дверь открылась. Эштон Маккаггерс беспечно сказал приятным голосом:

– Здравствуйте. Входите, пожалуйста.

Мэтью жестом показал Берри, чтобы она входила, но девушка и так, не обращая внимания на него, уже перешагивала через порог. Мэтью последовал за ней, Маккаггерс закрыл дверь, и Мэтью чуть не сбил Берри с ног: она застыла на месте, обозревая небесные владения коронера.

В свете, падавшем из окон чердака, с потолочных балок свисали четыре человеческих скелета, три из которых когда-то принадлежали взрослым, а один – ребенку. «Мои ангелы» – так назвал их Маккаггерс во время того первого визита Мэтью. Стены этого мрачного зала украшало не меньше двух десятков черепов разной величины – целых и без нижней челюсти или каких-нибудь других частей. Скрепленные проволокой кости ног, рук, кистей и грудных клеток служили здесь странными декорациями, вынести соседство с которыми мог только коронер. В этом довольно большом помещении стоял ряд картотечных шкафов медового цвета, на них также располагались экспонаты из костей. Были тут и скелеты животных – это говорило о том, что в собирании костей Маккаггера интересовала их форма и разнообразие. Рядом с длинным столом, уставленным мензурками и склянками, в которых плавали предметы неопределенного (но определенно жуткого) происхождения, помещался стеллаж с мечами, топорами, ножами, мушкетами, пистолетами, а также более примитивным оружием, таким как дубинки, утыканные страшного вида гвоздями. Именно перед этой коллекцией приспособлений, обрававших человеческие существа в груды костей, стоял Хадсон Грейтхаус, крутя в руках и с восхищением рассматривая украшенный витиеватым узором пистолет.

Оторвавшись от него, он наконец посмотрел на Берри и, чуть улынувшись, сказал:

– А, мисс Григсби.

Берри ничего не ответила. Она продолжала, замерев, изучать устрашающую обстановку чердака, и Мэтью забеспокоился, не окончательно ли она лишилась дара речи.

– Коллекция мистера Маккаггера, – услышал сам себя Мэтью, хотя для чего он это сказал, было непонятно.

Повисла тишина. Наконец Маккаггерс предложил:

– Кто-нибудь хочет чаю? Он холодный, но...

– Какая великолепная... – Берри не знала, как это назвать. – Выставка, – нащупала она нужное слово.

Голос ее звучал спокойно и отчетливо. Она протянула руку к детскому скелету, висевшему к ней ближе всего. Мэтью поморщился, представив себе, как она сейчас коснется руки скелета, но так высоко ей, конечно, было не дотянуться. Впрочем, еще чуть-чуть – и дотянулась бы. Она перевела взгляд на коронера, и, тихо обойдя ее, Мэтью увидел, как она лихорадочно размышляет, изучая человека, который живет в окружении таких экспонатов.

– Позволю себе предположить, – сказала она, – что эти трупы остались невостребованными: не заполняется же кладбище Нью-Йорка так быстро, что там больше нет места?

– Конечно нет, и ваше предположение верно. – Маккаггерс позволил себе едва заметно улыбнуться. Он снял очки, достал из кармана черных бриджей носовой платок и протер стекла.

«Чтобы получше Берри рассмотреть», – подумал Мэтью. Бледный, среднего роста, со светло-каштановыми волосами и залысинами на высоком лбу, Маккаггерс был всего на три года старше Мэтью. Простая белая рубашка, рукава закатаны, вечная двухдневная небритость. При этом содержит себя и свой чердак в такой же чистоте, как Салли Алмонд свою кухню. Он снова надел очки, как будто увидев теперь Берри совсем по-новому.

– Ко мне не так часто заглядывают посетители, – произнес Маккаггерс. – А те, кто навещается, обычно ежатся от страха и торопятся уйти. Ведь люди в большинстве своем... так боятся смерти...

– Ну я тоже не в восторге от самой идеи, – ответила Берри и бросила на Мэтью быстрый взгляд, говоривший, что она не совсем еще оправилась после их соприкосновения со смертью в имении Капелла, от ястребиных когтей и ножей убийц. – Но что касается формы, ваша экспозиция очень интересна. Можно даже сказать... искусно составлена.

– Да, воистину! – Маккаггерс почти расплылся в улыбке, явно довольный тем, что встретил родственную душу. – Кости просто прекрасны, не правда ли? Как я однажды сказал Мэтью, они суть воплощение всего, что завораживает меня в жизни и смерти. – Он поднял на скелеты гордый взгляд, от которого у Мэтью пошел мороз по коже. – Молодой человек и женщина – вон те двое – прибыли со мной из Бристоля. Девочку и старика нашли здесь. Ведь мой отец был коронером в Бристолье. Как до него и мой дед...

Тут послышался громкий щелчок спускаемого курка, что заставило Маккаггера воздержаться от чтения лекции по истории его семьи.

– К делу, – сказал Грейтхаус и кивнул в сторону стола на другом конце мансарды, где в столбе льющегося света сидел Зед, до блеска начищавший щипцы, циркули и маленькие лезвия – инструменты коронерского ремесла.

Сегодняшнее одеяние Зеда – серая рубашка и коричневые бриджи – было совсем не похоже на его вчерашний вечерний костюм. Подняв глаза и увидев, что все уставились на него, он невозмутимо опустил взгляд, а потом повернул стул так, что зрители могли видеть только его широкую спину. С завидным достоинством он продолжил свою работу.

– Значит, вы цените искусство? – снова обратился Маккаггерс к Берри.

«Господи!» – воскликнул про себя Мэтью. Если бы тут был Ефрем, при таком явном заигрывании с Берри сын портного мог бы почувствовать укол ревности.

– Ценю, сэр, – ответила Берри. – Очень.

Мэтью мог бы рассказать Маккаггерсу, как способности Берри к рисованию помогли разгадать загадку Королевы Бедлама, но его не спрашивали. Он бросил взгляд на Грейтхауса – тот, казалось, готов был пристрелить коронера.

– Ага! – произнес Маккаггерс, как будто хотел сказать что-то возвышенное. Его глаза за стеклами очков вбирали в себя Берри от носков ее туфель до полей шляпы. – А как учитель, вы ведь испытываете любопытство... скажем так... к необычному?

Тут Берри все-таки немного смутилась:

– Простите?

– К необычному, – повторил Маккаггерс. – Не только в формах искусства, но и в формах... творения?

Берри, ища помощи, посмотрела на Мэтью, но он пожал плечами, не имея ни малейшего понятия, к чему клонит Маккаггерс.

– Послушайте, – не выдержал Грейтхаус. – Если вы вдруг забыли, мы собрались здесь, чтобы...

– Я ничего не забываю, – последовал ответ, от которого повеяло стужей. – Никогда. Мисс Григсби? – От звука ее имени его голос снова потеплел. – Разрешите мне показать вам мое главное сокровище.

– Мм... Не уверена, что я...

– Конечно, вы достойны. Интересуетесь искусством, творением, да к тому же учительница. Кроме того, я думаю, вам было бы любопытно увидеть... тайну, у которой нет разгадки. Правда ведь?

– Разгадка есть у любой тайны, – сказал Грейтхаус. – Нужно только найти такую, которая подойдет.

– Это *вы* так думаете.

Отпарировав, Маккаггерс повернулся и проследовал мимо книжного шкафа, набитого старинного вида фолиантами в потертых кожаных переплетах. Он подошел к массивному старому черному комоду, стоявшему рядом с сооружением, имевшим гнезда для бумаг – туда были воткнуты свернутые свитки. Из нижнего ящика комода Маккаггерс достал небольшую красную шкатулку, обитую бархатом. Он вернулся к Берри, неся шкатулку так, как будто в ней был лучший изумруд из рудников Бразилии.

– Вот мое главное сокровище, – тихо сказал он. – Тайна, у которой нет разгадки. Мой дед получил это в качестве платы за работу. А мой отец передал мне. И вот... – Он помолчал, собираясь открыть шкатулку. Мэтью заметил, что даже Зед отложил работу и внимательно смотрит. – Я никогда еще никому это не показывал, мисс Григсби. Можно, я буду называть вас Берри?

Она кивнула, не отводя взгляда от шкатулки.

– Все сотворено Богом, – сказал Маккаггерс. В его очках отражался красный бархат. – И все служит замыслу Божьему. Но что же такое вот это?

Он поднял бархатную крышку, наклонил шкатулку к Берри и Мэтью, и они увидели, что в ней лежит.

Это был довольно уродливый кусок темно-коричневого дерева, кривой, с царапинами, длиной около пяти дюймов, заострившийся на конце подобно лезвию.

– Гм, – сказал Мэтью, и его брови приподнялись, выдавая, что он потешается над причудой Маккаггерса. – Очень интересно.

– Судя по вашей интонации, вы, конечно же, совершенно не понимаете, на что смотрите. Берри, не хотите попробовать угадать, что это?

Грейтхаус оставил в покое пистолет и подошел ближе. Хотя его никто не спрашивал, он высказал свою догадку:

– Колышек для палатки, скорее всего. Правда, для бури не годится – я бы такой для своей палатки не взял.

– Я расскажу вам, где его нашли, – сказал Маккаггерс, проводя пальцем по всей длине предмета. – Слышали о воронках Сомерсета?

– Где уголь добывают? Да, я знаю те места.

Маккаггерс кивнул. Он взял предмет из шкатулки и поднял перед ними.

– Его нашли под землей, на глубине шестидесяти футов, в стене шахты-воронки близ Неттлбриджа. Это зуб.

На какое-то время воцарилась тишина. Ее нарушил грубый хохот Грейтхауса.

– Зуб! Шестидесять футов под землей? В угольной копи?

– Совершенно верно. Зуб я уж как-нибудь отличу от чего другого, мистер Грейтхаус. Он очень древний. Ему, может быть, тысяча лет. А может, пять тысяч. Кто знает? Но вы не видите, так сказать, общей картины.

– А именно?

Ответила тихим голосом Берри:

– Размер зуба. Если представить себе величину такой челюсти... А затем головы...

– Правильно, – сказал коронер. – Зуб, видимо, принадлежал существу, о котором я могу сказать одно: похоже, это было... – Он поколебался, взгляд его остановился на отвратительном острие. – Чудовище, – закончил он.

– Чудовище! – Грейтхаус снова рассмеялся, но на этот раз уверенности у него поубавилось. – Где у вас тут бочонок с ромом?

– Насколько я знаю, – продолжал Маккаггерс, – в Сомерсете шахтеры время от времени выкапывают кости, которых, по мнению местных жителей, просто не может быть ни у каких обычных животных. Считается, что они приносят несчастье, и от них стараются избавиться любым подходящим способом. Этот зуб как-то уцелел. Хотите поддержать? – предложил он Грейтхаусу, но тот, несмотря на свою отвагу во всем, что касалось клинков и кулаков, вроде бы слегка побледнел и отшатнулся от такой чести.

Мэтью неожиданно для себя шагнул вперед. Он подставил ладонь, и Маккаггерс положил на нее зуб. Он весил столько же, сколько мог бы весить камень такого размера, но это был точно не камень. Вдоль одного из его краев Мэтью увидел зазубрины, которыми до сих пор можно было пораниться.

Берри прижалась к его плечу, рассматривая экспонат, и Мэтью не стал отстраняться.

– Зуб дракона, – наконец сказала Берри, и в ее голосе прозвучали одновременно интерес и благоговейный страх. – Вот, наверное, что это такое. Да?

Она посмотрела на Маккаггерса, ожидая, что он подтвердит ее предположение.

– Некоторые, возможно, так и считают. То есть те, кто верит в драконов.

– Но чем же еще это может быть?

– Драконы – если бы они существовали не только в мифах – поражали бы своих врагов огнем. А это животное было убийцей, созданным для того, чтобы отрывать от своих жертв огромные куски мяса. Верховным хищником. Видите край зуба? Это шедевр формы и функции. Можете представить себе, что пасть, полная таких зубов, могла бы сделать... например... с говяжьей тушей?

– Драконы! Хищники! – К Грейтхаусу вернулись присутствие духа и румянец. – Чушь, Маккаггерс! Не обижайтесь, но я думаю, что ваш дед передал вам обманку из мастерской какого-нибудь прохвоста!

Маккаггерс окинул его мрачным взглядом и взял экспонат с ладони Мэтью.

– Очень возможно, – сказал он, помещая зуб обратно в бархатную шкатулку, – а может быть, это... подтверждение того, что Бог сказал Иову.

Грейтхаус нахмурился:

– А это еще к чему?

– Господь отвечал Иову из бури, – стал объяснять Маккаггерс. – Он рассказал Иову о бегемоте и левиафана, созданиях невообразимой величины и силы. Господь велел Иову препоясать, как мужу, чресла и смотреть в лицо тому, что должно произойти. Он сказал: «Я буду спрашивать тебя»³. – Маккаггерс понял, что для Грейтхауса все это пустой звук. – Вы что, Библии не знаете?

– Я знаю ту часть, где говорится, что если человек меня уважает, то и я буду уважать его. А там еще что-то есть?

Маккаггерс демонстративно пропустил его реплику мимо ушей и продолжал, уже обращаясь только к Мэтью и Берри:

– Может быть, это зуб бегемота – или левиафана. Как я уже сказал, это тайна, у которой нет разгадки.

– Может быть, разгадку теперь знают они. – Грейтхаус показал вверх, откуда ангелы коро-
нера пустыми глазницами наблюдали за происходящим. – Жаль, что, прежде чем найти ее, приходится умереть.

– Да, это досадно, – согласился Маккаггерс и, захлопнув шкатулку, обратился непосредственно к Берри: – Я подумал, вам будет интересно это увидеть – и как преподавателю, и как человеку, который явно ценит эстетику функции. Так же как все кости человеческого скелета, этот зуб был создан для выполнения определенных задач. Какому бы существу он ни принадлежал, можно быть уверенным: это животное было сотворено для убийства и для выживания. Мой следующий вопрос... Зачем Господь возжелал создать такого монстра?

Зная, что ответа ожидать не приходится, он снова повернулся, отнес шкатулку к комоду и положил ее на место.

– Теперь о Зеде, – напомнил Грейтхаус.

Невольник за спиной у Маккаггерса уже снова был занят своей работой, чистил инструменты, и, казалось, ничто другое его нисколько не интересовало.

– Я оценил эксперимент, который вы с ним провели, – сказал Маккаггерс, неторопливо возвращаясь к ним. – Понимаю и разделяю ваше мнение о его навыках и согласен, что он способен на куда большее, чем переноска трупов. Я и не подозревал о его, очевидно, славном происхождении. Я также нахожу довольно интересным и весьма замечательным тот факт, что вы хотите купить у меня Зеда и оформить на него вольную у лорда Корнбери.

– Давайте по порядку. Мне бы хотелось, чтобы мисс Григсби несколько дней понаблюда-
ла за ним и высказала свое мнение – можно ли его надрессировать. – Грейтхаус спохватился, и губы его искривились, как будто он отведал печенки с душком. – То есть я хотел сказать, обучить чему-нибудь.

Маккаггерс натянуто улыбнулся:

– Конечно, его можно обучить. На самом деле он очень умен. Он быстро схватывает указания, как вы сами вчера убедились. Должен сказать, не знаю, как много нового ему можно преподать, но с простыми заданиями он справляется легко.

– Довольно ли хорошо он знает английский язык? – спросила Берри, наблюдая за тем, как работает Зед.

– Достаточно, чтобы делать свою работу. Думаю, он уже немного знал английский до того, как его привезли на невольничий рынок. Трудно понять, насколько хорошо, ведь говорить он, конечно, не может. – Маккаггерс посмотрел на Грейтхауса и прищурил глаза за стеклами очков. – Сэр, прежде чем мы продолжим наш разговор, должен сказать вам: есть одно

³ Ср.: «И отвечал Господь Иову из бури и сказал: препояшъ, как муж, чресла твои: Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй мне. #...# Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол; вот, его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его... #...# Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его?» (Иов 40: 1–20).

препятствие. Я весьма ценю ваше предложение и благодарен вам за него, но боюсь, что это невозможно.

– Невозможно? Почему? Я готов заплатить...

– Этого недостаточно, – перебил его Маккаггерс. – Просто потому, что я не владею Зедом полностью.

Грейтхаус оторопел и бросил взгляд на Мэтью, ища поддержки.

– То есть... им владеет кто-то еще? – спросил Мэтью.

– Когда на рынке очередь дошла до Зеда, я, конечно же, оказался не единственным желающим, и цена быстро взлетела выше моих финансовых возможностей. Особенно усердно взвинчивал цену Герритт ван Ковенховен.

Мэтью знал, что это богатый судостроитель, которому принадлежит один из особняков на вершине Голден-Хилл – Золотого холма. Ван Ковенховену было за семьдесят, он пережил трех жен и имел репутацию скряги и крайне сурового работодателя. Тем не менее корабли его были величественны, изящны и быстроходны.

– Он хотел поставить Зеда трудиться на верфи, – продолжал Маккаггерс. – Мне же было известно, что ван Ковенховену никак не удастся исполнить свою заветную мечту – купить кое-что. Из-за его грызни со всеми нашими мэрами, о которой знает весь город, и торжественного заявления, что его верфи останутся территорией Голландии.

– Понятно, что это вызывает раздражение, – заметил Мэтью.

– Вот-вот. Ну а поскольку я знал, о чем он мечтает, и обладаю достаточным влиянием, чтобы его желание сбылось, то, прежде чем молоток опустился в последний раз, я заключил с ван Ковенховеном соглашение. Таким образом я вступил во владение Зедом на четыре года – а сейчас идет пятый месяц третьего года, – после чего он перейдет в единоличную собственность ван Ковенховена и, видимо, всю оставшуюся жизнь будет трудиться за шестерых.

– О чем же таком он мечтал, наш судостроитель? – спросил Мэтью.

– Это заняло некоторое время, но следующая улица, которую проложит наш добрый мэр Френч, будет названа именем ван Ковенховена. Она уже нанесена на новую карту.

– Вот ведь сукин... – с усмешкой сказал Грейтхаус.

– Сэр! – резко оборвала его Берри. – Я вас попрошу!

Он сердито посмотрел на нее, но вспышка его уже угасла, и он так сильно стал чесать затылок, что Мэтью подумал: «Сейчас пойдет кровь».

– Похоже, ничего не вышло, – сказал Мэтью, бросив взгляд на Зеда.

Невольник складывал инструменты в ящик – они сгодились для работы над многими из лучших представителей нью-йоркского общества, ушедшими в мир иной, а также покойниками из его низших слоев. Действительно ужасно, когда человек со способностями Зеда обречен всю жизнь таскать бревна и бочки с дегтем, но, похоже, его судьба была решена.

– Постойте! – сказал Грейтхаус, как будто читая мысли Мэтью. – О какой сумме идет речь? Чтобы выкупить его у ван Ковенховена?

– Зед ушел с молотка за тридцать два фунта шесть шиллингов. Это больше половины моего годового жалованья. К тому же, зная ван Ковенховена... если его и удалось бы уговорить продать раба, он захочет получить прибыль на вложенный капитал.

Грейтхаус так и стоял с отвисшей челюстью.

– Тридцать два фунта?

Сумма была огромная, чтобы заплатить ее в один прием.

– Разумеется, как я уже говорил, на Зеда претендовал не только я – и не только ван Ковенховен. Когда в схватку вступили такие люди, как Корнелий Рамбоутс и Джон Аддисон, это стало больше похоже на личное соревнование, чем на деловую покупку.

Мэтью думал о том, что можно было бы сделать, если бы у него появились тридцать два фунта. Он заплатил бы все свои долги, купил бы новых костюмов, заказал бы небольшой камин

в свою молочную (Мармадюк, похоже, не собирался раскошелиться на это, пока не нагрянут первые холода). И еще прилично осталось бы, чтобы несколько месяцев питаться и попивать эль в «Рыси». Его поражало, как люди могут просто выбрасывать такие деньжищи на ветер.

– Я мог бы, наверное, раздобыть фунтов семь или восемь, – сказал Грейтхаус, морща лоб. – Ну, может, максимум десять.

– Сэр, ваш настрой и намерение достойны похвалы, – с легким поклоном сказал Маккаггерс. – Но это еще не вся цена. Не далее как в прошлом месяце Дэниел Пэджетт обратился к лорду Корнбери с просьбой оформить вольную его рабу Вулкану, чтобы тот смог открыть кузницу. Насколько мне известно, Корнбери потребовал и получил за свою подпись десять фунтов.

– Сукин... – Грейтхаус прикусил язык. Но так как Берри промолчала, он закончил: – Сын!

– Мне жаль, – сказал ему Маккаггерс. – Но так обстоят дела.

Грейтхаус замялся; Мэтью видел, что запал его иссяк, просто уже нечего было сказать. Мэтью знал, что Кэтрин Герральд оставила ему какие-то деньги на содержание конторы, но о том, чтобы потратить столько сразу, не могло быть и речи. Это понимали и он, и Грейтхаус, и Маккаггерс.

Наконец Грейтхаус сказал, не обращаясь ни к кому в особенности:

– Ну что, мы, наверное, пойдем. – И все же сделал последнюю попытку; стучаться в непробиваемые стены было в его обыкновении. – Как вы думаете, если бы ван Ковенховен знал, какие у Зеда способности, он бы прислушался к голосу разума?

– Можете попробовать, – ответил Маккаггерс, – но это, вероятно, только заставит его поднять цену.

– Ладно. Спасибо.

Грейтхаус еще немного понаблюдал, как работает Зед, и резко направился к выходу.

Мэтью уже собирался последовать за ним, как вдруг Берри спросила у коронера:

– Прошу прощения, но мне хотелось бы знать... умеет ли Зед читать или писать?

– По-английски – нет, на своем родном языке – возможно. На той работе, которой он занят у меня, ему незачем читать или писать. Он лишь следует указаниям, которые я ему даю словами или знаками.

– Тогда позвольте спросить, откуда вы знаете, что он умен?

– По двум признакам, – ответил Маккаггерс. – Во-первых, он точно исполняет поручения. А во-вторых, есть его рисунки.

– Рисунки? – удивленно спросила Берри, а Грейтхаус остановился у двери и оглянулся.

– Да. Вот некоторые из них. – Маккаггерс прошел через комнату и достал с верхнего шкафа несколько листов бумаги. – Думаю, он не будет возражать, если я вам покажу, – сказал он, хотя Зед повернулся на стуле и смотрел на них с каким-то напряженным вниманием, отчего у Мэтью поползли по затылку мурашки: а вдруг невольник решит, что его рисунки не предназначены для чужих глаз?

Маккаггерс вручил Берри листы. Теперь наступила очередь Мэтью смотреть через ее плечо. Грейтхаус вернулся, чтобы тоже взглянуть на рисунки из-за ее спины.

– Он их десятка два сделал, – пояснил Маккаггерс. – Моими черными грифелями. Ломал их, надо добавить, как палочки для трута.

Нетрудно было понять, как это происходило. В некоторых местах бумага была просто прорвана силой нажима. Но теперь Мэтью стало ясно, почему Зед столько времени проводит на крыше ратуши.

Первый рисунок являл собой вид Нью-Йорка и Большого дока, запечатленный Зедом со своего наблюдательного пункта. Но это были не те город и док, которые каждый день видел Мэтью. Казалось, эти толстые черные восковые линии зданий и похожие на каноэ формы парус-

ников принадлежат некоему другому, первобытному миру; солнечный круг представлял собой линию, которая все закручивалась и закручивалась, пока, очевидно, не отломилось острие грифеля, оставив на пейзаже уродливый размазанный след. Вид был отталкивающим и чуждым, черные линии извергались из квадратов труб, а внизу замерли на ходу составленные из черточек человечки. В рисунке было что-то от ночного кошмара, все здесь было исключительно черно-белое, без оттенков.

На втором рисунке можно было узнать кладбище у церкви Троицы, надгробные камни здесь весьма напоминали здания с первого пейзажа, а безлистые деревья были похожи на длинные, тонкие скелеты. Возле одной из могил, кажется, стояла мужская фигура, или просто в этом месте грифель вконец стерся?

Но третий рисунок был совсем другим: просто стилизованное изображение рыбы, ошетилившейся чем-то вроде шипов и окруженной волнистыми линиями воды. На четвертом рисунке тоже оказалась рыба, снабженная наспинным парусом и длинным клювом, а на пятом, последнем в пачке, – рыба, состоящая из кругов и квадратов, с хватающим воздух ртом и единственным вытаращенным глазом, в центре которого грифель проткнул бумагу насквозь.

– Он любит рисовать рыб, – сказал Маккаггерс. – Понятия не имею почему.

– Тут все ясно: он был рыбаком. – Грейтхаус наклонился, заглядывая через другое плечо Берри. – Как я рассказывал Мэтью, племя га...

Он не договорил: внезапно откуда ни возьмись протянулась большая черная рука и схватила листы бумаги, которые держала Берри, отчего та испуганно вскрикнула и побледнела. По правде говоря, Мэтью самого до коленных чашечек пробрала дрожь, и он, стиснув зубы, подавил в себе страх, ибо Зед очутился прямо перед ними в мгновение ока. Грейтхаус не пошевелился, но Мэтью чувствовал, что он собрался и готов, если нужно будет, в любой момент нанести удар.

Покрытое шрамами лицо Зеда было бесстрастно, взгляд его эбеновых глаз был устремлен не на Берри, а на рисунки. Он чуть потянул листки, и Берри сразу их отпустила. Тогда он повернулся и пошел с рисунками обратно, к своему рабочему месту, и Мэтью поразило, что он ступает по половицам почти бесшумно.

– Вот еще одна из его способностей, – сказал Маккаггерс. – Если захочет, может передвигаться как тень. – Он откашлялся. – Кажется, я обманул его доверие. Прошу прощения за доставленное неудобство.

Мэтью беспокоило неудобство, доставленное не ему, а Зеду, и возможные последствия. Невольник закончил укладывать инструменты и, бережно удерживая одной рукой свои произведения, закрыл ящик на защелку.

– Много у него рисунков? – спросила Берри, когда ее щеки снова стали расцветать румянцем.

– Пару штук в неделю непременно делает. У него их целая коробка под кроватью.

– Я тоже рисую. Интересно... не захочет ли он посмотреть мои работы?

– Если он не захочет, я с удовольствием посмотрел бы.

– Ну, то есть... Это ведь тоже способ общения. Можно было бы послушать, что Зед скажет. – Она посмотрела на Грейтхауса. – На языке художника.

– Уверен, стоит попробовать. – Он уже не испытывал прежнего воодушевления, глаза утратили живой блеск, что был в них до того, как прозвучала сумма в тридцать два фунта. – Делайте что хотите. Маккаггерс, спасибо, что уделили время.

Он бросил еще один взгляд на Зеда, чья повернутая к ним спина красноречиво говорила, что сегодня он больше не развлекает посетителей, прошел под скелетами к выходу и покинул чердак.

– С нетерпением жду следующей встречи с вами, – сказал Маккаггерс Берри, и Мэтью почувствовал себя третьим колесом тележки разъездного торговца. – Надеюсь, когда вы придете, я все-таки смогу угостить вас чаем.

– Спасибо, – ответила она, и Мэтью с облегчением вышел следом за ней из владений коронера и стал спускаться по лестнице.

Когда они шли вместе по Уолл-стрит к Ист-Ривер, Берри принялась болтать о рисунках Зеда.

– В них есть что-то природное, – сказала она. – Какая-то стихийная сила. Правда ведь?

Мэтью пожал плечами. По его мнению, такое мог бы намалевать какой-нибудь обитатель дома призрения душевнобольных близ Уэстервика в колонии Нью-Джерси. Он раздумывал, стоит ли так ей и сказать, как вдруг из проулка шмыгнула черная кошка и перебежала дорогу, так что он решил придержать язык и глядеть в оба: не выскочит ли откуда-нибудь взбесившийся бык и не заготовил ли Дьявол на его пути нор мускусных крыс, яблок конского навоза или еще каких-нибудь пакостей.

Глава 5

Рано утром в субботу, когда из-за леса всходило солнце, окрашивая мир в огненные цвета, Мэтью поймал себя на том, что размышляет о зубе чудовища.

Верхом на мускулистом вороном коне Данте, которого Мэтью обычно выбирал в конюшне Тобиаса Вайнкупа, он скакал по Почтовому тракту на север и с семи часов успел проделать большой путь. Далеко позади остались знакомые улицы и здания города. Ехать по этой дороге, взбиравшейся на холмы и сбегавшей в долины, петляя между огромными дубами и мелколесьем, грозившим совсем перекрыть проезд, было очень опасно.

В середине лета примерно в этом же месте его остановил здоровенный грабитель – тот еще упрямый осел. Тут следовало остерегаться диких зверей и индейцев (самых их никогда не увидишь, зато они запросто могут пустить вам в горло стрелу). Правда, вдоль скалистых берегов реки кое-где прятались фермы и имения, защищенные, насколько это было возможно, каменными стенами и мушкетами поселенцев. Ведь ньюйоркцы – люди мужественные. Ну или охваченные страстью жить на грани катастрофы.

Мэтью не хотелось сегодня нарваться на какую-нибудь беду, но он готов был к тому, что она может свалиться ему на голову. Под серым плащом на нем был черный пояс, а под ним – заряженный кремневый пистолет, с которым он научился неплохо управляться под взыскательным руководством Грейтхауса. Мэтью знал, что хорошо владеть клинком он никогда не сможет, в кулачном бое он тоже был не очень проворен, зато быстро взвести курок пистолета и выстрелить, чтобы, если потребуется, сделать пробор в волосах какого-нибудь разбойника, он умел.

Эту поездку он обдумывал несколько недель. Много раз он ложился спать с намерением отправиться в путь, но на рассвете понимал, что решимость его еще не столь сильна, как ему казалось. Но сегодня он проснулся готовым, и, быть может, знакомство с зубом чудовища – и тайной Маккаггерса, не имеющей разгадки, – живо напомнило ему о том, что у него есть собственная тайна, не поддающаяся разгадке. Ее нужно раскрыть. Это что-то, надежно спрятанное от света, – будто клык, лежавший в угольных коях на глубине шестидесяти футов. Как может он называть себя «решателем проблем», когда ему свою проблему не решить?

Или, вернее, страшно столкнуться с ней лицом к лицу. Именно поэтому он и взял с собой пистолет, а не из-за воображаемых рыцарей большой дороги или маловероятного нападения лесного зверя или индейца, который наверняка испытывал бы скорее любопытство, чем жажду крови, ведь в последнее время между ирокезами и колонистами не было никаких стычек.

В это ясное субботнее утро Мэтью уже проскакал пятнадцать миль к северу от Нью-Йорка в сторону имения Капелла, где он и Берри едва не лишились жизни и где нужно разгадать тайну, чтобы не думать больше о тех ужасных событиях.

Мысли его занимал зуб. Что за фантастический предмет! Не увидь он зуб воочию – был бы уверен, что Маккаггерс просто бредит спяну. Свидетельство существования бегемота или левиафана – вполне возможно, но какой цели может служить такое чудовище? Для чего Господу в премудрости Своей создавать такого зверя? Для одного только разрушения? Мысленным взором Мэтью увидел древнее поле под серым небом, пронизанным молниями; по полю ползло что-то темное, гигантское, чей рот был полон таких зубов, похожих на клинки и влажно мерцавших в синих сполохах. Громоздкая голова существа поворачивалась то влево, то вправо, ища кого-нибудь послабее, чтобы разорвать на куски.

Так средь бела дня можно погрузиться в ночной кошмар, подумал Мэтью. Особенно когда что-то шуршит в густых кустах впереди. При этом звуке он чуть не выпрыгнул из седла – а через дорогу метнулись два коричневых крольчонка.

Там, где дорога раздваивалась перед небольшим темным болотцем, он поехал по той ее ветви, что поворачивает налево, к реке. Он приближался к имению Капелла, еще час, и он будет там. Его подташнивало, но не от полосок сушеной говядины, которые сжевал на завтрак. Тяжело было возвращаться туда, где он когда-то ждал, что смерть настигнет его, и он поймал себя на том, что высматривает сквозь деревья, не кружат ли в небе ястребы.

Данте брел по дороге, и ему не было дела до воспоминаний своего хозяина. И вдруг, застав Мэтью врасплох, перед ними выросла стена из бутового камня высотой около восьми футов, увитая плющом и другими ползучими растениями, и Мэтью, должно быть, слишком резко сдвинул колени или натянул поводья, как неумелый ездок, потому что Данте вздернул голову, укоризненно фыркнув и давая понять, что может и сбросить его.

Дорога шла дальше, вплотную прижимаясь к уродливой стене. Как и в первый приезд сюда, у Мэтью было ощущение, будто они подъезжают не к имению, а к настоящей крепости. Вскоре впереди показались огромные деревянные ворота, распахнутые настежь с тех пор, как сюда ворвались главный констебль Лиллехорн и его спасательный отряд. Мэтью вдруг показалось, что солнечный свет потускнел, а в прохладном воздухе повеяло злом. Он должен въехать в эти ворота, на эту землю, потому что нужно выяснить, каким образом в тот страшный день прошлым летом четверым удалось уйти от людей Лиллехорна и бесследно исчезнуть.

Он направил Данте в ворота, проехал мимо беленой сторожки с разбитым окном и продолжил путь вдоль подъездной дороги, уходившей направо сквозь густой лес.

Четверо. Хорошо одетых мужчину и женщину Мэтью видел вдалеке, у строений около заросшего сорняками виноградника. Женщина тогда наблюдала за происходящим из-под синего зонтика. И эта пара исчезла, хотя Лиллехорн со своими людьми прочесал все имение и лес не только в тот день, но и, поставив у ворот стражу, вернулся позже и возобновил поиски. Однако пропавшие как в воду канули.

Затем Рипли, юный подмастерье-убийца. Неопределенного возраста. Щуплый, бледный и до странности хрупкий, с шелковистыми волосами цвета пыли. Правую бровь пересекает длинный тонкий шрам, уходящий под волосы, а вместо правого глаза – холодный шар молочного-белого цвета. В руке голубая вязальная спица, которую он должен был всадить Берри в глаз и проткнуть ей мозг.

Его тоже не поймали.

И наконец, загадочный фехтовальщик, граф Антон Маннергейм Дальгрэн, едва не вспоровший Мэтью живот своим кинжалом. Дальгрэн – со сломанным запястьем, обмотанный виноцветными портьерами, содранными с карниза, – перелетел через перила террасы и рухнул в пруд с золотыми рыбками.

И он испарился, до последнего дюйма своей дрянной прусской душонки.

Но как эти четверо сумели сбежать? Все здания и постройки в имении были обысканы, от погребов до чердаков. Лес обшарили до последнего засохшего куста, некоторые из следопытов даже забирались на деревья, чтобы с высоты лучше обозреть местность.

Улетели, что ли, за речные утесы, словно злые духи? Вряд ли, думал Мэтью, тем более что у Дальгрена сломано крыло. Но Дальгрэн и в таком виде опасен, к тому же Мэтью не нравилось, что где-то разгуливает Рипли, затачивая свои спицы.

И вот показался двухэтажный крапчатый особняк из красного и серого кирпича. Красивый фасад прорезали многочисленные окна, а медную крышу венчала серая башенка с куполом. В небо поднималось несколько дымовых труб. Подъездная дорожка огибала пруд с лилиями, расположившийся в нескольких ярдах от парадного крыльца, у которого Мэтью и остановил Данте.

Входная дверь была открыта. На самом деле двери не было: она была сорвана с петель. На ступеньках лежал испорченный дождем стул с желтой обивкой, вероятно выброшенный из перегруженного фургона, увезшего другие ценные вещи. Некоторые окна были разбиты, а прямо на пороге валялись черепки: значит, здесь из чьих-то жирных пальцев выскользнул большой белый горшок. Недалеко, на заросшей сорняками лужайке, стоял, словно лошадь, мечтающая, чтобы ее пристрелили, покосившийся письменный стол темного дуба с двумя сло-манными ножками. Ящиков в столе не было. Может быть, подумал Мэтью, это из кабинета Капелла, а кабинет Лиллехорн перевернул сверху донизу, выискивая улики.

Вот так. Мэтью подозревал, что многие горожане побывали здесь, влекомые любопыт-ством (и шокирующими рассказами в «Уховертке»), и ушли отсюда ворами, набив седельные сумки и фургоны добром, награбленным у Капелла. Он не мог их винить. Он вспомнил, как богато был обставлен дом: гобелены, картины, подсвечники и люстры, затейливо украшенные столы, стулья и...

О да. Книги.

В библиотеке Мэтью побывать не успел. Может быть, какие-нибудь книги там и остались. Кто же будет грузить фургон книгами, когда тут персидские ковры и кровати с балдахинами?

Он спешил и подвел Данте к пруду попить. У края пруда конь вдруг отпрянул, и одно-временно Мэтью уловил поднимающуюся от воды вонь. Там, в жужжащем облаке зеленых мух, плавала большая дохлая змея. Мэтью отошел, привязал Данте к нижней ветке дерева в сто-роне от дорожки, открыл одну из седельных сумок и скормил коню яблоко. Он отпил воды из кожаной фляжки и налил немного в горсть для Данте. В тени дома запах гниющей змеи витал вокруг, как...

Как невидимое присутствие профессора Фелла?

Да, имение принадлежит Капеллу, но это лишь часть организации профессора. Как ска-зал Грейтхаус, «тот, кто перешел дорогу профессору Феллу, не жилец на этом свете».

Мэтью испортил Феллу игру. Опрокинул доску с фигурами. Но выиграл ли он? Нет. Под-брошенная ему под дверь карточка с кровавым отпечатком пальца, предвещающая смерть, означает, что игра только начинается и Мэтью должен заплатить за то, что разгневал профес-сора.

Он поймал себя на том, что рука его лежит на пистолете, заткнутом за пояс. За открытым дверным проемом ничто не двигалось. Ни звука, только мухи справляют свой пир. Внутри царят тени и хаос, разрушение и распад – маленький ад на земле. Правда, там были... знания для жаждущих – в книгах, купленных, должно быть, на деньги профессора Фелла.

Мэтью поднялся по ступенькам и вошел в дом.

«Существует подпольный преступный мир, который тебе и не снился, – говорил Грейт-хаус. – Эти люди промышляют подлогом, фальшивомонетничеством, кражей государственных и личных бумаг, шантажом, похищениями, поджогами, заказными убийствами – словом, зако-лачивают деньги всеми правдами и неправдами».

Под сапогом у Мэтью хрустнули черепки. Когда-то это, видимо, были чайные чашки. В прихожей кто-то сорвал железную люстру, и куски потолочной кладки упали на пол. В блестящих стенных панелях темного дерева были пробиты дыры. Кое-где падальщики отодрали от лестницы подступёнки. Искали спрятанные сокровища, подумал Мэтью. Нашли ли? Он пошел по главному коридору, где со стен были сняты гобелены. Тут тоже зияли дыры, очевидно прорубленные топорами. Интересно, в скольких нью-йоркских домах теперь красуются вещи, вывезенные отсюда? Мэтью не сомневался, что Диппен Нэк нынче садится на ночной горшок с золоченым орнаментом и что сам Лиллехорн небось привез своей сварливой жене, которую он называл Принцессой, какие-нибудь шелковые простыни.

«Эти криминальные междоусобицы были жестоки, кровавы и ровным счетом ничего им не давали, – говорил Грейтхаус. – Однако в последнее время все стало меняться. Лет пятнадцать назад появился профессор Фелл; откуда – мы не знаем. Коварством, умом и немалой кровью он сумел объединить враждующих уголовников в эдакий криминальный парламент». Мэтью увидел справа вход в еще одну комнату, раньше здесь была дверь, пока кто-то не утащил ее. Из двух высоких окон (оба были разбиты) лился пыльный желтый свет, падая под сводчатым бледно-голубым потолком на то, что осталось от книжных полок, занимавших всю стену.

Вторым любимым занятием Мэтью после решения головоломных задач было чтение. Поэтому он разглядывал разгромленную библиотеку со смешанными чувствами: и огромным удовольствием, и мучительным смятением. Удовольствием – потому что на полу лежала груда уцелевших книг, хоть большую их часть и сбросили с полок, а смятением – потому что десятки томов кто-то отправил в камин, и теперь их обугленные переплеты валялись, словно куча костей.

«Никто не знает его имени и возраста. Никто не знает даже, мужчина „он“ или женщина и действительно ли „он“ где-то преподает. Никто никогда его не видел и не может описать его внешность...»

Из порезанного и выпотрошенного серого дивана торчали наружу внутренности. Письменному столу, похоже, досталось от подгулявшего мародера, орудовавшего кузнечным молотом. На стенах темнели прямоугольники – там, где раньше висели картины. Видимо, кто-то пытался содрать обои, чтобы прихватить на память и эти следы от картин. Книжки жгли, чтобы согреться и не сидеть в темноте, предположил Мэтью, ведь мародеры явно занимались тут своим мародерским делом всю ночь.

Можно ли винить людей за то, что они пришли сюда и взяли то, чем можно было поживиться? Мэтью знал, что сенсационные истории, растиражированные «Уховерткой», прославили не только его. Известность приобрело и это имение, а когда пришел его бесславный конец, обчищать его ринулись те, кому хотелось вкушать хоть чуточку славы. А если не получится, то утащить красивую вазу, чтобы поставить на подоконник у себя в кухне.

Мэтью принялся осматривать разграбленную библиотеку. Вдоль стены стояло семь полок. По небольшой лестнице-стремянке можно было подняться за книгами, стоявшими на самом верху. На концах каждой полки оставалось по восемь-девять книг, но посередине все было сброшено на пол, чтобы расчистить место для жадного топора, которым пытались рубить стену. Топор, наверное, был не один, подумал Мэтью. Судя по характеру повреждений, тут поработала целая матросская команда. То есть мало растащить домашнюю утварь – в поисках тайников с деньгами нужно было и сами стены дома разнести по кирпичику. Что ж, если чего нашли – пожалуйста, ему не жалко. А его больше интересуют книги, и он возьмет столько, сколько влезет в седельные сумки. Затем он собирался еще раз прочесать лес – не найдется ли там какая-нибудь подсказка, что позволит разгадать тайну бесследного исчезновения тех четверых, – а потом сесть на Данте и отправиться восвояси прежде, чем начнет смеркаться.

Он сделал шаг среди хлама, опустился на колени и стал разглядывать оставшиеся сокровища. Он считал себя начитанным – во всяком случае, для человека, живущего в колонии, – но,

конечно, до лондонских умников ему было далеко. Ведь в Лондоне есть целая улица книжных лавок, там можно ходить в свое удовольствие между полками, высматривая, не появилось ли на них утром что-нибудь новенькое (так, по крайней мере, писали в «Газетт»), а вот Мэтью мог найти новые книги только в заплесневелых сундуках людей, умерших, пересекая Атлантику, и поэтому больше не нуждавшихся в просвещении. С каждого прибывшего корабля багаж умерших выставлялся на продажу и доставался тому, кто больше заплатит. Если среди вещей были книги, то в большинстве случаев их покупали обитатели Голден-Хилла, но не для чтения, а как свидетельство высокого статуса. Их называли книгами для чайного столика.

А тут такой подарок – целые залежи книг, которых Мэтью не читал и о которых даже никогда прежде не слышал. Здесь были книги в кожаных переплетах: «Пылающий мир», «Сэр Кортли Найс», «Полександр», «И жаждешь ты», «Путь паломника», «Новая теория Земли», «Состояние святости и состояние скверны», «Развращение времен деньгами», «Король Артур», «Дон Кихот Ламанчский» и «*Annus Mirabilis* – год чудес (1666)». Попадались книги тощие, как жидкая каша, и солидные, как бифштекс. Были тут сочинения на латыни, французском и испанском, а также на родном языке: религиозные проповеди, романы, исторические труды, философские трактаты, рассуждения о стихиях, планетах, Эдеме и чистилище и обо всем, что находится между ними. Мэтью пролистал книгу под названием «Мстительная любовница», щеки его запылали, и он, пусть и не желая допустить, чтобы кто-нибудь обнаружил у него дома столь неприличное сочинение, все-таки отложил книгу в сторону: может быть, ей порадуются Грейтхаус с его вульгарным вкусом.

Вот исторические романы, такие увесистые, что, если по парочке запихать в каждую седельную сумку, Данте, пожалуй, хребет надорвет. Мэтью заинтересовали восемь томов «Писем турецкого шпиона», их он тоже отложил. Однажды Мэтью посчастливилось (если здесь уместно такое слово) быть участником застолья в этом доме, но настоящий пир происходил сейчас – от горы книг было никак не оторваться, Мэтью лихорадочно рылся в них, и на лбу у него даже выступил пот, ведь он стоял перед очень трудным выбором: что взять, а что оставить. «Свободу Лондона в цепях»? «Религию с точки зрения разума»? Нет, к черту, он берет вот эту: «Любовь – лотерея, а выигрыш в ней – женщина».

Тут бы фургон не помешал, подумал Мэтью. Он и так уже отложил слишком много книг, теперь нужно будет перебрать их еще раз и решить окончательно, что увезти с собой. А ведь еще остались книги и на полках! Он поднялся с пола и подошел к уцелевшим доблестным солдатам, вытянувшимся перед ним по стойке смирно.

На третьей полке слева он сразу увидел нужную книгу, это был «Искусный игрок». Затем, почти прямо над ней, к нему воззвал корешок с заглавием «Жизнь и смерть мистера Бэдмена». Его взгляд скользнул вверх и там, на самой верхней полке в дальнем левом углу, остановился на толстенной «Истории замков в ремесле Древних Египта и Рима». У него потекли слюнки, как будто ему преподнесли коробку с набором пирожных. Да, Капелл злодей и мерзавец, но если он прочел хотя бы четверть из этих книг, то, несомненно, это образованный злодей и мерзавец.

Мэтью подтащил библиотечную стремянку, взобрался наверх и первым делом достал «Игрока». Он просмотрел справочник, быстро принял решение и отложил к уже выбранному. Потом с интересом снял с полки тонкую книжку с названием «Рассуждение о лунных лучиках», но забраковал ее. Затем дотянулся до «Истории замков» – она оказалась тяжелой, как сковородка, и ее пришлось ухватить обеими руками. Нет, Данте такого не потерпит, и Мэтью уже собирался запихнуть книгу на место, когда внутри ее что-то сдвинулось.

От неожиданности Мэтью чуть не свалился с лестницы. Крепко держа книгу, он попробовал раскрыть ее и вдруг понял, что это вовсе не книга.

Это была замаскированная под книгу шкатулка. На обресе у «Истории замков» был свой собственный замок. Крышка не поддавалась. Внутри были явно не странички с буквами. Но где же ключ?

Одному Богу известно. Вполне возможно, что после такого разгрома он потерялся навсегда.

Взгляд Мэтью остановился еще на одной книге. «Высокое искусство логики», значилось на ней золотой вязью.

«Думай», – приказал он себе.

Если бы я держал это здесь, куда бы я спрятал ключ? Где-нибудь не очень далеко. Скорее всего, в этой же комнате. Чтобы было под рукой. Так, если здесь есть запертая шкатулка в виде книги о замках, то, может быть, где-то в библиотеке находится и книга о ключах, в которой на самом деле хранится ключ? Но такая книга ему не попадалась. Он успел просмотреть названия всего, что валялось на полу. Никакой «Истории ключей» там не было. Конечно, ее могли и бросить в огонь.

А могли... и не бросить.

Мэтью пробежал глазами заглавия ближайших к нему книг. Ничего, связанного с ключами. Он спустился по стремянке с «Историей замков» и положил ее на сломанный письменный стол. Единственный ящик стола был выдвинут – кто-то опорожнил в него чернильницу, отчего образовалось загустевшее черное месиво из бумаг и перьев. Мэтью прошел к дальнему концу полки, где стояли остальные уцелевшие книги. На самой верхней полке, в дальнем углу справа, а значит, прямо напротив «Истории замков», он увидел том средних размеров, по всей видимости очень старый. Мелкие, выцветшие буквы на корешке было не разобрать.

Может быть, это она и есть? Он быстро перетащил стремянку, залез наверх и снял книгу с полки. Она оказалась подозрительно легкой.

На поцарапанной коричневой коже Мэтью прочел название: «Малый ключ Соломона».

Открыв книгу, он обнаружил, что страницы ее были вырезаны очень острым лезвием и изъяты. В квадратной полости лежал, очевидно, не «Малый ключ Соломона», а большой ключ Капелла. Мэтью ощутил прилив радости и возбуждения – это можно было назвать победой. Он вынул ключ, закрыл книгу, поставил ее на место и спустился по лестнице.

Вставляя ключ в замок, он почувствовал, что сердце его колотится, как барабан ирокеза. Что там, внутри? Какой-нибудь документ профессора Фелла? Сведения о его местонахождении? Если да, то они написаны на камне.

Он повернул ключ. Раздался негромкий вежливый щелчок (как и подобает щелкать замку джентльмена), и Мэтью поднял крышку.

«А может, Фелл еще только приступил к исполнению своей задумки – созданию криминальной империи, которая охватит все континенты, – говорил ему Грейтхаус. – Акулы помельче – тоже, впрочем, по-своему смертоносные – собрались под началом большой акулы и вот приплыли сюда...»

Мэтью смотрел на черный кожаный мешочек на шнурке. Больше в шкатулке ничего не было. Узел шнурка был скреплен бумажной облаткой с красной сургучной печатью.

«Большая акула», – подумал Мэтью.

Грейтхаус почти попал в цель своей морской метафорой, но она оказалась неточной. На печати был изображен стилизованный осьминог, восемь щупалец которого простирались в разные стороны, словно собираясь захватить весь мир.

Грейтхаусу, наверное, будет очень интересно увидеть это. Мэтью поднял тяжелый мешочек и услышал звон – наверняка это монеты.

Положив находку на стол, он некоторое время просто смотрел на нее. Чтобы открыть мешочек, конечно, нужно сорвать печать. Готов ли он к такому? Он не знал. Что-то останавливало его, кошмар готовился обрести форму. Пусть лучше Грейтхаус снимает печать и разбирается с этим.

Но обратно в шкатулку он мешочек не положил и вообще ничего не сделал, только провел тыльной стороной кисти по внезапно запекшимся губам.

Он понимал, что нужно на что-то решаться, важно было решиться. Время уходило. Между этим домом и его собственной жизнью в Нью-Йорке, казалось, разверзается пропасть.

Страшно было не только срывать печать, но и открывать мешочек. Он вслушивался в тишину. Неужели никто не подскажет, что делать? Не даст мудрого совета, как правильно поступить и избежать ошибки? Где же голоса судей Вудворда и Пауэрса? Ведь они ему так нужны. Но их не слышно. Гробовая тишина. С другой стороны, перед ним всего лишь какая-то бумажка, правда ведь? И всего лишь изображение осьминога на сургучной печати. И потом, содержимое шкатулки находится здесь уже так долго. Никто за ним не идет, о нем просто забыли.

Обойдусь без Грейтхауса, решил он. В конце концов, он в бюро «Герральд» полноправный партнер, что удостоверялось поздравительным письмом от Кэтрин Герральд и подаренным увеличительным стеклом.

Не тратя больше времени на размышления, он сорвал печать. Сургучный осьминог треснул и сломался. Затем Мэтью развязал узел и заглянул в мешочек. Глаза его расширились: лившийся из окон библиотеки солнечный свет упал на целую кучу золота, едва не ослепив его.

Он взял одну монету и внимательно рассмотрел ее. На аверсе – профили Вильгельма и Марии, на реверсе – увенчанный короной геральдический щит. Год – 1692. Мэтью взвесил монету на ладони. За всю свою жизнь он видел лишь две такие монеты – обе удалось вернуть после ограбления торговца мехами во времена его работы секретарем у Натаниела Пауэрса. Это были пять гиней, и стоила такая монета пять фунтов и несколько шиллингов – дороже в королевстве не чеканилось. Сколько же их... в мешочке? Трудно сосчитать, уж больно блестят. Мэтью опрокинул мешочек на стол, и оттуда высыпалось шестнадцать монет. Значит, перед ним лежит больше восьмидесяти фунтов.

– Боже мой, – услышал он собственный ошеломленный шепот.

Он и правда был ошеломлен. Это же целое состояние. Столько не смог бы заработать за год даже самый искусный и опытный ремесленник. О таком годовом доходе и мечтать не мог бы молодой адвокат, не говоря уж о молодом «решателе проблем».

И вот эти деньги здесь, прямо перед ним.

У Мэтью закружилась голова. Он окинул взглядом разгромленную библиотеку, потом снова посмотрел на полку, где у всех на виду находился тайник. Наверное, монеты отложены на черный день. Вот за чем возвращался в дом подручный Капелла Лоренс Эванс, когда его встретил и отходил дубинкой Диппен Нэк. За деньгами, спрятанными на случай крайней необходимости в черный кожаный мешочек с печатью, может быть, подпольного банка, а то и личной отметкой профессора Фелла.

Имение принадлежит Капеллу, но входит в организацию Фелла.

Восемьдесят фунтов. Кому их отдать? Лиллехорну? Ну конечно! Главный констебль со своей женой быстро найдут применение и такой большой сумме. Он и без того невыносим, а тут еще и обогатится за счет Мэтью, подвергнувшего себя риску, ведь даже просто вернуться сюда было очень опасно. Может быть, тогда Грейтхаусу? Ну да, Грейтхаус львиную долю возьмет себе и для бюро, а ему швырнет какие-нибудь жалкие гроши. Еще эти дурацкие разговоры о том, чтобы выкупить Зеда у ван Ковенховена и сделать его телохранителем, – это Мэтью точно не нужно.

Кому же тогда должны достаться эти деньги?

Наверное, тому, кому они больше всего нужны. Тому, кто их нашел. Это хорошее вознаграждение за сегодняшние поиски. И вполне заслуженное. Если тратить с умом, то хватит надолго. Но тут возникал вопрос: как потратить хотя бы одну монету, не вызвав подозрений, ведь такие деньги ходили только на недостижимых высотах Золотого холма.

Он стал укладывать монеты обратно в мешочек. Руки дрожали. Он туго затянул шнурок и завязал его узлом. Потом взял разорванную бумажную облатку с отпечатком осьминога, смял

ее в кулаке и бросил в камин, в черную золу, туда, где валялись останки переплетов. На секунду он как будто потерял рассудок, и чтобы сохранить равновесие, пришлось опереться рукой о стену.

Почти наобум он выбрал несколько книг из отложенных – достаточно, чтобы навьючить Данте седельными сумками с обеих сторон поровну.

Но, выйдя из дома и набив сумки книгами, Мэтью решил пока не упаковывать туда и деньги. Ему еще предстояло сделать то, ради чего он сюда явился, а выйдя за ворота, он может больше не вернуться – даже за книгами. Время близилось к полудню, солнце вовсю лило свой свет сквозь деревья. Он не хотел оставлять деньги в седельных сумках – вдруг сюда заедет кто-нибудь еще. Покрепче прихватив мешочек с деньгами, он зашагал по подъездной дорожке в сторону виноградника, к тому месту, где в последний раз видел Капелла, избитого и поверженного в пыль.

Некоторое время он размышлял: а что, если Капелл пытался добежать до конюшни? Почему, собственно, именно туда? Учитывая все, что в тот момент происходило, мог ли Капелл надеяться, что успеет оседлать лошадь и надеть на нее узду? Но если Капелл удирал по этой дорожке не к конюшне, то куда? К винограднику? К лесу?

Мэтью решил найти место, где Капелла остановили, и оттуда углубиться в лес. Ага, вот оно. Сойдя с дороги, он направился к лесу, окрашенному красным заревом листвы. Так, нужно сосредоточиться на цели, а то мысли блуждают, превращаясь в грезы, подобные прекрасным картинам в золоченых рамах.

Он шел сквозь лесные заросли. Конечно, вся эта территория уже была обследована. Но вдруг где-то в чаще остался никем не замеченный пятачок? Какое-нибудь укрытие, спрятанное так же надежно, как шкатулка для денег была замаскирована под книгу. Убежище на самый крайний случай. Потом, когда опасность миновала, беглецы могли выйти, а затем или улизнуть через ворота, или перелезть через стену (что менее вероятно, так как у Дальгрена было сломано запястье).

Искать такое место было все равно что стрелять в темноте, но Мэтью твердо вознамерился хотя бы прицелиться.

На этот раз он шел по лесу спокойно, совсем не так, как в тот день, когда они с Берри бежали от преследования, спасая свои жизни. Вокруг были только деревья да низкий кустарник, земля шла то чуть вверх, то под уклон. Он стал даже иногда отводить ногой в сторону ветки с листьями – нет ли под ними какого-нибудь люка, – но ничего похожего не попадалось.

Впереди он увидел овраг и вспомнил, как они с Берри бежали по его краю. Дойдя до него, Мэтью остановился и заглянул вниз. Дно было футами в десяти, стены – из больших камней с острыми краями. А ведь он или Берри могли туда свалиться – и что бы тогда было? Самое меньшее, чем они отделались бы, – это сломанная лодыжка.

Мэтью всматривался в глубину. Может быть, те, кто обыскивал лес, не полезли вниз как раз потому, что побоялись рискнуть костями.

Но, кроме скальной породы, там ничего не было видно. Самый обыкновенный овраг, на какой можно наткнуться в любом лесу.

Он пошел по краю дальше, теперь уже выбросив из головы все свои грезы и мысли о мешочке с деньгами. Он сосредоточился на овраге и прежде всего на том, можно ли в него спуститься, не упав на камни.

Овраг все уходил в лес и становился глубже. До дна теперь уже футов двенадцать-пятнадцать, прикинул Мэтью. В некоторых местах тени так сгущались, что овраг казался черным прудом. А потом он увидел впереди, не очень далеко, что-то похожее на каменные ступеньки. Неужели у него так разыгралось воображение? Возможно, но здесь точно можно спуститься на дно. В следующие несколько секунд, крепко прижав к себе мешочек с деньгами, он проде-

монстрировал, что по этим ступенькам можно сойти, придерживаясь для равновесия за камни только одной рукой.

Он продолжил путь по дну, тоже усыпанному камнями. Ярдов через двадцать овраг повернул направо, и тут у Мэтью перехватило дыхание: рядом с ним в стене обнаружился проем высотой около пяти футов, достаточно широкий, чтобы в него мог боком протиснуться человек.

«Пещера», – понял он и выдохнул.

Сев на корточки, он заглянул внутрь. Непонятно, как далеко уходит это пространство, в котором ни зги не видно. Но... на щеках чувствовалось дуновение воздуха. Пол в видной ему части пещеры был из плотной глины, усеянной листьями.

Он протянул свободную руку в проем, ощутил, как воздух изнутри пещеры обдувает пальцы.

«Это не пещера, – решил он. – Это туннель».

Тьма непроглядная. Может быть, где-то рядом притаились змеи. Возможно, целое гнездо. Интересно, как бы на его месте поступил Грейтхаус. Ушел бы, так и не узнав, как все было? Или бы ощупью двинулся вперед, как положено настоящему дураку?

Ну, сапоги ему змеи не прокусят. Если только он где-нибудь не угодит ногой в яму и не упадет – тогда они вопьются ему в лицо. Но идти он будет осторожно, как если бы шел с завязанными глазами по крыше ратуши. Он чуть помедлил, собирая волю в кулак, пока та не опомнилась и не расточилась. Потом, стиснув зубы, сделал шаг и сразу же смог выпрямиться, хотя и не во весь рост. Он рад был, что мешочек с деньгами при нем: если понадобится, можно будет кому-нибудь как следует врезать.

До его сознания дошло, да так отчетливо, что чуть не подогнулись колени: «Я богат». Губы его невольно скривились в усмешке, хоть сердце колотилось, а шея вспотела от страха. Он горячо надеялся, что следующие несколько минут не станут последними в его жизни и он еще сможет воспользоваться своим богатством. Ощупывая стены ладонью и локтем, Мэтью двинулся в неизвестность.

Часть вторая. Долина суда

Глава 6

– Жаль Мэтью Корбетта. Погибнуть в таком юном возрасте, – сказал Хадсон Грейтхаус. И пожал плечами. – Я и узнать-то его толком не успел. Поработал с ним только с июля. Что тут еще сказать: слишком часто он совал свой нос куда не надо.

Повозка, влекомая двумя старыми клячами, которых, видимо, еще заставляло через силу плестись чувство собственного достоинства, выкатилась из конюшни в Уэстервике. Этот маленький, но ухоженный городок расположился по обеим сторонам Филадельфийского тракта, милях в тридцати от Нью-Йорка. Тут было две церкви; за деревянными и кирпичными домами на участках, отвоеванных у нью-джерсийских лесов, раскинулись фермерские поля и сады. Фермер, торговавший с тележки тыквами, помахал рукой, и Грейтхаус помахал ему в ответ.

– Да, – сказал Грейтхаус, глядя на облака, плывшие по утреннему небу, словно огромные белые корабли, – прискорбно, что жизнь Мэтью безвременно оборвалась из-за того, что его не спасли ни здравый смысл, ни телохранитель, потому что у него их не было. – Он покосился на возницу. – Ну как, неплохая была бы речь на твоих похоронах?

– Ну согласился я уже, – подал голос Мэтью и тряхнул вожжами, подгоняя лошадей, а те лишь свесили головы еще ниже, как будто моля о снисхождении. – Да, не стоило мне лезть в этот туннель одному. – Щеки у него зарделись. – Вот ведь завели волынку!

– И буду на ней играть, пока ты не поймешь: нечего попусту рисковать жизнью. И чего ради? Чтоб кому-то что-то доказать? Что всех умом перещеголял?

– В такую рань, и уже заладили.

Действительно, было самое начало седьмого. Мэтью устал, его все раздражало, и он предпочел бы сейчас оказаться где угодно, только не на козлах рядом с Грейтхаусом. Ей-богу, даже в том туннеле было бы лучше. По крайней мере – тихо. Теперь он знал, что такое пытка: это ночевать в одной комнате с Грейтхаусом. Прошлым вечером они остановились в уэстервикском трактире «Добрый друг», и два других номера были заняты. Из-за храпа, каждый раз начинавшегося пушечной канонадой и заканчивавшегося кошачьим воплем, уснуть было невозможно. Уже далеко за полночь, когда Мэтью наконец задремал, Грейтхаус всхрапнул так громко, что Мэтью, смертельно испугавшись, чуть не выпрыгнул из постели, но даже последовавший за этим гневный стук в стену из соседнего номера не вернул Грейтхауса из потустороннего мира, в котором он пребывал. А еще неприятнее, что здоровяку никак было не выбросить из головы этот туннель. Там, мол, Мэтью всюду подстерегали опасности, и что, если бы этот туннель шел под именем не к реке, а к пещере и он заблудился бы в темноте и бродил бы там, пока не зарос бы бородой до самых сапог? «И что тогда, мистер Корбетт? Говори погромче, тебя не слышно».

– Ты прав, – сказал Грейтхаус, немного поразмыслив, и Мэтью решил, что сейчас в него выстрелят очередной порцией порицаний. – И правда, какая рань. На-ка, выпей.

Он передал ему кожаную фляжку с бренди, к которой сам начал прикладываться уже с первыми лучами рассвета. Мэтью взял фляжку, отпил достаточно, чтобы обожгло горло и в глазах поплыло, и вернул владельцу. Грейтхаус заткнул ее пробкой и сунул под дощатое сиденье, туда, где был спрятан пистолет.

– Может, я и сам бы так же поступил. Но я – это я, у меня в таких делах рука набита. А тебе не пришло в голову привязать к чему-нибудь веревку, чтобы по ней потом обратно вернуться?

– Очень длинная понадобилась бы веревка.

Да, веревка там нужна была бы очень немаленькая. По прикидкам Мэтью, длина туннеля, который был частью природного ландшафта имения Капелла, должна была составлять почти четверть мили. В одном месте подземный коридор так резко пошел вниз, что Мэтью стало не по себе, но к тому времени впереди уже показался свет. На поверхность туннель выходил в скалах у реки среди валунов, а оттуда по тропе можно было дойти до ближайшего леса. Он подозревал, что не все из компании Капелла были посвящены в тайну существования этого запасного пути отхода, но именно им воспользовались те четверо.

– Я не считаю, что я всех умом перещеголял, – ответил Мэтью на одну из самых язвительных колкостей Грейтхауса.

– Считаешь, считаешь. Этим ты многих и очаровываешь. Ох, как спина болит! Не кровать, а орудие пытки какое-то.

– Вам вроде бы неплохо спалось, в общем и целом.

– Это только так кажется. Жуть какая-то снилась.

– Правда? Случайно, не про войну пушек с кошками?

– Что? – Грейтхаус бросил на него сердитый взгляд. – Нет. Работа все проклятая. Не нравится мне все это.

– Вам приснилась работа?

– Да нет. Во сне я увидел... Ну, звучит смешно, понимаю. – Грейтхаус немного поколебался, снова достал фляжку и, держа ее наизготове, сказал: – Зуб этот чертов приснился.

– Зуб, – повторил Мэтью.

– Ну да. Зуб Маккаггерса. Который он нам показал. Помнишь всю эту тарабарщину про Бога, Иова, чудовищ и... – Грейтхаус вынул пробку и в очередной раз хорошенько промочил горло. – И все такое, – сказал он, оторвавшись от фляжки.

Мэтью подождал, уверенный, что последует продолжение. Он снова встряхнул вожжами, но это не возымело никакого действия на скорость, с которой передвигались престарелые лошади. Впрочем, до места, куда они направлялись, было уже не так далеко. В доме призрения душевнобольных их ждали доктор Рамсенделл и доктор Хальцен.

– Мне приснилось... – сказал Грейтхаус, набрав в легкие воздуха, как будто хотел, чтобы мозги у него снова заработали. – Приснилось чудовище, которому принадлежал этот зуб. Мэтью, размерами оно было с дом. Нет, больше. С церковь Троицы или ратушу. Даже еще больше. Шкура у него была как темно-серый чугун и дымилась, будто прямоком из доменной печи. Голова – с карету. И на меня смотрит, Мэтью, прямо на меня. Эта зверюга хочет есть, бросается на меня, а я убегаю. – Он вдруг ослабил как безумец. – Смешно, да?

Мэтью издал неопределенный звук, но глаз от дороги не оторвал, хоть Грейтхаус и смотрел на него.

– Чудище кидается за мной, – продолжал Грейтхаус. – Как... ураган. Как стихийное бедствие. Я бегу по полю, а на нем... валяются трупы. А может... части тел. Укрыться негде, и я знаю, что зверь меня догонит. Знаю, но поделать ничего не могу. Он вот-вот схватит меня – этими своими зубами. Мэтью, у него их был полный рот. Несколько сотен. Настоящий великан, и на ногу скорый. И вот он уже у меня за спиной, я чувствую его дыхание на затылке... и тут...

Грейтхаус замолчал. Не дождавшись продолжения, Мэтью спросил:

– Вы умерли?

– На этом месте я, кажется, проснулся. Не помню. Может, и умер – там, во сне. Не знаю. Но скажу тебе, что я точно знаю. – Он хотел было снова приложиться к фляжке, но передумал: сегодня еще предстояло работать. – Я ведь успел уже почти забыть, что такое страх. Не испуг, это другое. А тут именно страх. Когда понимаешь, что у тебя нет ни единого шанса. Вот что я почувствовал во сне. И все из-за этого чертова зуба.

– Вы на ночь пирог с угрем ели – может, от этого. Я же вам говорил, что он с душком.

– Дело не в этом. Ну хорошо, может, и в этом тоже. Живот у меня и правда немного крутило. Но в основном это из-за нашего задания. Если бы не хороший гонорар, я бы предложил Лиллехорну поискать кого-нибудь другого. Пара констеблей вполне бы справилась.

– Врачи просили прислать нас, – напомнил ему Мэтью. – Да и кто бы еще поехал сюда? Диппен Нэк? Джайлс Винтергартен? Сомневаюсь.

– Врачи эти. – Грейтхаус яростно дернул свою коричневую шерстяную шапку. – Ты знаешь, что я думаю о них и об их сумасшедшем доме. А ты, наверно, так и навещаешь ту леди?

– Навещаю. И она поправляется. Во всяком случае, она теперь знает свое имя и начинает понимать, где она и что с ней.

– Прекрасно, но я остаюсь при своем мнении: поселить кучку психов в каком-то доме здесь, в лесу, – это ненормально.

Несмотря на медленный ход, повозка все-таки выехала наконец из Уэстервика и двигалась теперь по лесной дороге – это был все тот же Филадельфийский тракт, протянувшийся дальше еще на сорок с чем-то миль до города, давшего ему название. Оставалось чуть больше четверти мили до съезда с тракта направо, к дому призрения. Солнце набирало силу, проливая сквозь деревья желтые и красные струйки света. Пели птицы, воздух был свеж – утро было чудесное, если не считать нескольких тучек на западе.

– На что только не пойдешь ради денег, – почти про себя сказал Грейтхаус.

Мэтью не ответил. Действительно, на что только не пойдешь. У него уже был план, как поступить со своим богатством. По прошествии некоторого времени он отправится пакетботом в Филадельфию, возьмет с собой несколько монет и там купит каких-нибудь вещей, чтобы разменять пятифунтовики. Он даже подумывал о том, чтобы ездить туда под чужим именем. Незачем кому-то в Нью-Йорке знать о его неожиданном богатстве. Это его личное дело. Он чуть не погиб в этом имении. Разве он не заслужил вознаграждения за все, через что ему пришлось пройти? А пока деньги были спрятаны у него дома. Он не боялся, что кто-нибудь проникнет к нему, сломав замок на двери, но было спокойнее знать, что золотые монеты укрыты в соломе матраса.

Была среда. Вчера утром в дом номер семь по Стоун-стрит явился юный посыльный с требованием, чтобы Мэтью и Грейтхаус поспешили в ратушу к Гарднеру Лиллехорну, так как у главного констебля к ним срочное дело. Грейтхаус ответил, что они не скот на пастбище и, если Лиллехорну что-то от них нужно, пусть сам приходит в дом номер семь.

– Мне кажется, вы сильно рискуете, когда так себя ведете с Лиллехорном, – сказал Мэтью, когда посыльный ушел.

Он взял веник и принялся подметать пол – это входило в его обязанности, да ему и самому хотелось (и не важно, что он недавно стал богачом), чтобы, по крайней мере, вокруг его стола было чисто.

– Ты так считаешь? И что он мне сделает за мое непослушание?

– Найдет что. К тому же у него связи. – Мэтью смел пыль в деревянный совок, чтобы потом выбросить ее в одно из двух окон, откуда открывался вид на северо-западную часть Нью-Йорка, а дальше, за широкой рекой, на коричневые скалы и золотые холмы Нью-Джерси. – Вы довольно вызывающе держались с ним в ту ночь в «Петушином хвосте». До сих пор удивляюсь, что мы не оказались в тюрьме, ведь закон мы все-таки нарушили.

– Конечно. Но не переживай. Ничего Лиллехорн ни мне, ни тебе не сделает. Во всяком случае, меня он не упрячет туда, где я не смогу быть полезен.

– Не сможете быть полезны? – Мэтью перестал подметать и посмотрел на Грейтхауса, развалившегося на стуле и закинувшего большие ноги в пыльных сапогах на стол. – Вы о чем? – Грейтхаус постучал указательным пальцем по подбородку, и Мэтью вдруг осенило. «У меня тут дела», – сказал Грейтхаус тогда, в пятницу утром, на Нассау-стрит. – Вы чем-то занимаетесь сейчас по его просьбе.

– Да, занимаюсь.

– Он дал вам задание как главный констебль? Или нанял вас как простой гражданин?

– Нанял как простой гражданин – любой человек с улицы мог бы в прошлый понедельник точно так же подойти ко мне у Салли Алмонд, угостить меня завтраком, а потом попросить оказать ему услугу. Я сказал, что услуги денег стоят и чем серьезней услуга, тем солидней сумма. Мы остановились на услуге и сумме средней серьезности, вот и все.

– И какую же услугу вы ему оказали?

– Оказываю, – поправил его Грейтхаус. – Дело еще не закончено, и ответить пока не могу. – Он нахмурился. – А почему, собственно, я должен тебе говорить? Ты же мне ничего не сказал, когда поехал в имение Капелла, правда? Нет, ты не счел нужным и заикнуться мне о предприятии, которое могло оказаться последним в твоей жизни. А знаешь что? Когда Лиллехорн сюда придет, расскажи-ка ему все про этот туннель. Или ты приберегаешь эту историю для Мармадюка и следующего номера «Уховертки»?

– Я туда не для этого ездил.

Грейтхаус сверлил его стальным взглядом:

– Ты в этом полностью уверен?

Мэтью собирался ответить утвердительно, но его решимость вдруг резко поколебалась. Он действительно в этом абсолютно уверен? Не подумывал ли он на самом деле о том, чтобы рассказать все Мармадюку, стать героем очередной статьи? Да нет же! Но... Может быть, в глубине души ему этого хотелось? Он стоял, а в воздухе вокруг него мерцали пылинки. А вдруг... и правда он в глубине души думает... что ему уже мало быть всего лишь Мэтью Корбеттом, который из секретаря мирового судьи стал «решателем проблем»? Вдруг его и впрямь манит не только богатство, но и слава? Всеобщее внимание, кажется, штука такая же забористая, как яблочный бренди Скелли. Оно способно, как и это пойло, опьянять до бесчувствия; оно может так подчинить себе человека, что без него он превратится в безвольного отпетого забулдыгу. Двигало ли им это хоть сколько-нибудь, когда он поехал в имение? Нет. Ни в малейшей степени.

Несколько дней назад он мог думать, что, если ему когда-нибудь доведется найти мешочек с золотыми монетами, он первым делом расскажет об этом... Кому? Берри? Она ведь побывала в этой передрыге вместе с ним, так разве не должна она получить свою часть вознаграждения? Нет, нет, все сложно. Очень сложно, и ему придется снова все обдумать, когда в голове прояснится, да и вообще, из-за этой пыли он вот-вот чихнет.

– Жалею, что рассказал вам, – отчеканил Мэтью так же сурово, как Грейтхаус продолжал смотреть на него.

– Зачем же тогда рассказал?

Мэтью уже готов был объяснить ему. Что, может быть, он пошел в туннель, дабы раз и навсегда доказать свою храбрость, или что просто надеялся на похвалу Грейтхауса: вот, дескать, молодец, решился идти вперед, доверился интуиции. Но момент был упущен, и Мэтью ничего этого не сказал, а лишь ответил:

– Хотел, чтоб вы знали: не нужен мне телохранитель.

– Это ты так считаешь. Одно могу сказать: Зед мог бы помогать нам обоим, если его как следует обучить. Ужасно, если этот парень будет обречен всю оставшуюся жизнь таскать корабельный лес. – Грейтхаус пренебрежительно махнул на Мэтью рукой. – Ладно, не будем об этом. Мне надо пойти выпить.

Мэтью продолжил уборку, думая о том, что некоторые секреты любят покой и тишину.

Не прошло и получаса, как прибыл Гарднер Лиллехорн – в своем желтом сюртуке и чулках и желтой треуголке, украшенной голубым перышком, он ворвался в контору как солнечный свет. Однако его расположение духа предвещало скорее грозу, и, когда он решительным

шагом подошел к столу Грейтхауса, лицо его было мрачно, как самая темная туча. Он положил перед Грейтхаусом коричневый конверт с серой сургучной печатью.

– Для вас есть официальное поручение, – сказал он и бросил быстрый взгляд на Мэтью. – Для обоих.

– Что за поручение? – Грейтхаус взял конверт, осмотрел печать и начал вскрывать его. Лиллехорн положил черную лакированную трость на руку Грейтхаусу.

– Конверт должен оставаться запечатанным, – сказал он, – до тех пор, пока вы не заберете заключенного. Когда он перейдет в ваши руки, вы прочтете ему содержание письма при свидетелях – это будет подтверждением его законной... – он подыскивал нужное слово, – передачи под ваш надзор.

– Вы бы руки лучше не распускали, – предостерег его Грейтхаус и отвел трость в сторону. – Что еще за заключенный? И где он находится?

– Вчера во второй половине дня ко мне явился посыльный от двух докторов, он сказал, что вы сами знаете. Я велел приготовить для вас повозку в конюшне Вайнкупа. Это лучшее, что я могу предложить. Кандалы тоже приготовлены, лежат в повозке. Вот ключ.

Он полез в карман своего сюртука кричаще-яркого и слегка тошнотворного цвета, извлек ключ и тоже положил на стол перед носом Грейтхауса.

– От двух докторов? – Грейтхаус посмотрел на Мэтью. – Ты понимаешь, о чем он вообще?

Мэтью понимал, но, прежде чем он успел об этом сказать, Лиллехорн продолжил, как будто спеша сбросить с себя ответственность:

– От Рамсенделла и Хальцена, из дома призрения душевнобольных колонии Нью-Джерси. Близ Уэстервика. Вы же знаете. Пришел приказ о переводе. В конце месяца на «Эндьюрансе» прибудет констебль, представляющий интересы короны, чтобы заключить этого типа под стражу. Я хочу, чтобы сапоги негодяя ступили на следующий же корабль, отплывающий в Англию, и скатертью ему дорога.

– Постойте, постойте! – Грейтхаус встал, держа в руке конверт. – Вы про того психа, что маячил там в окне? Как его... Как его зовут, Мэтью?

– Его зовут Тирантус Морг, – ответил Лиллехорн. – Разыскивается за убийства, грабежи и другие преступления – все они указаны в распоряжении о передаче. Посыльный сказал, что врачи ввели вас в курс дела: Морга должны перевести из дома призрения в нью-йоркскую тюрьму, где он будет дожидаться прибытия королевского констебля. Ну что ж, время пришло.

Мэтью вспомнил, как они с Грейтхаусом впервые поехали в Уэстервикскую лечебницу, когда расследовали дело Королевы Бедлама. Два врача, руководившие больницей, рассказали им о пациенте, находившемся за одним из зарешеченных окон: «Его прислали к нам чуть меньше года назад из квакерского заведения в Филадельфии. Квакеры узнали, что он работал цирюльником в Лондоне и, возможно, совершил целую дюжину убийств. Осенью мы ждем письма о его переводе в нью-йоркскую тюрьму, где он будет ждать отправки в Англию. Знаете, если вам удастся разгадать загадку Королевы, мы могли бы нанять вас для перевозки мистера Морга в Нью-Йорк – подумайте об этом».

Грейтхаус свирепо оскалится – Мэтью понимал, что ничего хорошего это не предвещает: обычно такое выражение лица свидетельствовало о готовности прибегнуть к насилию.

– Вы что, сами тоже с ума сошли? Нет у вас права так вот заявиться сюда и командовать!

– Дело вот в чем, – тихо сказал Лиллехорн, обводя взглядом контору и сжимая свои тонкие ноздри от отвращения, – команду тут не я. Разве вы не узнаете печать губернатора лорда Корнбери?

Грейтхаус еще раз взглянул на конверт и бросил его на стол.

– Это для меня ничего не значит.

– Ваши друзья-врачи получили два письма – оба от королевского констебля. В одном им предписывается приготовить заключенного к отправке. Во втором, предназначенном для

лорда Корнбери, ему даются указания обеспечить доставку этого человека сюда и содержание его в кандалах. Лорду Корнбери велено привлечь для этого лучших людей, имеющих в его распоряжении. Так, во всяком случае, он сказал, когда свалил это неприятное дело на меня. Рамсенделл и Хальцен просили, чтобы это были именно вы. Ну... и вот.

– У нас частное бюро, – сказал Грейтхаус, выдвинув вперед подбородок. – Нас не нанимали ни город, ни колония Нью-Джерси. И уж точно не лорд Корнбери!

– Ах да. К вопросу о том, кто вас на самом деле нанимает. – Лиллехорн сунул руку в карман и достал коричневый мешочек, завязанный кожаным шнурком. Он встряхнул его, чтобы звякнули монеты. – Мистер Три Фунта. Не встречались с ним в последнее время?

Мэтью постарался не раскрыть рта.

– В конверте официальные бумаги о переводе, – продолжал Лиллехорн. – Их должны подписать вы и два врача. Они обязуются заплатить вам еще два фунта после того, как вы примете арестанта для перевозки. Складывать умеете, сэр?

Грейтхаус фыркнул:

– Видать, им не терпится его сплавить. – Он помолчал, с вождением глядя на мешочек с монетами. – Должно быть, он опасен. Нет, пять фунтов – это маловато. – Он покачал головой. – Отправьте за ним своих констеблей. Если их будет полдюжины, справятся.

– Моим констеблям, как ранее изволил отметить мистер Корбетт, такие сложные задачи не по зубам. И разве вы не гордитесь тем, что вы настоящие профессионалы? – Прежде чем продолжить, он дал этим словам повисеть в воздухе. – Кроме того, вы ошибочно полагаете, будто со стороны лорда Корнбери это просьба. Может быть, вы уже поняли, что он хочет... скажем так... хорошо показать себя перед своей кузиной, королевой. А я хочу хорошо себя показать перед лордом Корнбери. Ну и так далее. Понимаете?

– Пяти фунтов мало, – с некоторым нажимом повторил Грейтхаус.

– За два дня работы? Боже, сколько же вам нынче платят? – Лиллехорн заметил стоявший в углу веник. – Такую убогую крохотную контору можно вымести вместе с мусором. Поймите, Грейтхаус: лорд Корнбери, если захочет, может прикрыть любую лавочку. На вашем месте – но я, слава богу, не вы – я бы с радостью принял эту щедрую плату и подумал о том, что лорд Корнбери может быть вам полезен, если вы сможете подъехать к нему с правильной стороны.

– А у него есть правильная сторона?

– С ним можно иметь дело. А если вы окажете ему услугу, то, я уверен, однажды он оплатит вам тем же.

– Услугу, – повторил за ним Грейтхаус и задумчиво сощурился.

– Два дня работы. Если вам удастся выехать в течение часа, к ночи уже будете в Уэстервике. – Лиллехорн осмотрел серебряную львиную голову, венчавшую его трость. – Вы не настолько долго будете отсутствовать, чтобы это... мм... помешало продолжению вашей работы.

Это он о том таинственном деле, которым Грейтхаус занимается по поручению своего последнего клиента, предположил Мэтью.

Грейтхаус не сразу вернулся из своих умственных странствий. Наконец он сказал:

– Не хочется мне снова там оказаться. В этой психбольнице. А ты что скажешь, Мэтью? – (Что тут было говорить? Мэтью и промолчал, лишь пожав плечами.) – Знаю, деньги тебе пригодились бы. А мне, может, расположение лорда Корнбери и правда не помешало бы. Скажите, Лиллехорн, вы когда-нибудь видели его в мужской одежде?

– Видел. К прискорбию, в ней он тоже выглядит... довольно прискорбно.

Грейтхаус кивнул и вдруг сказал:

– Кандалы.

– Простите?

– Хотелось бы, чтобы в кандалах не было ржавых звеньев.

...Их и не оказалось. Крепкие наручники, ножницы и цепи лежали сейчас в мешке в задней части повозки. Мэтью повернул лошадей на дорогу, отводящую от Филадельфийского тракта и шедшую через рощу. Впереди показались три здания дома призрения.

Тут было тихо, на деревьях пели птицы, ласково шептал ветер. Несмотря на это, Грейтхаус беспокойно ерзал на сиденье и старался не смотреть на здания, словно не желая думать о том, что происходит за их стенами. Во втором из них, самом большом, сложенном из грубых неотесанных камней и напоминавшем зернохранилище или зал для собраний, пребывали все пациенты, кроме нескольких, размещенных в третьем строении – покрашенном в белый цвет доме, выходившем окнами в сад. Некоторые окна второго здания были закрыты ставнями, а некоторые открыты, но зарешечены, и при приближении повозки в них появились лица. Пасторальную тишину нарушил чей-то крик из-за окна, затем к нему присоединился более пронзительный голос.

– Кажется, приехали, – сухо произнес Грейтхаус, сложив руки вместе.

Заведение управлялось двумя врачами умело и гуманно, но Мэтью помнил, как в их прошлый приезд сюда Грейтхаус нервничал, словно кошка, брошенная на ковер из острых бритв.

Мэтью остановил упряжку перед первым строением, тоже покрашенным в белый цвет (похоже, это был обычный дом), и слез, чтобы дать лошадям напиться из стоявшей рядом поилки. В это же время дверь дома открылась, и из него вышел коренастый человек в темно-коричневом сюртуке и жилете. Он приветственно поднял руку, одновременно вынимая глиняную трубку, которая была зажата у него между зубами.

– Здравствуйте, джентльмены, – сказал доктор Кертис Хальцен. Он был седовлас, а на кончике его крючковатого носа сидели очки. – Никак этот день настал.

Мэтью, скорее к своему удовлетворению, не расслышал, что проворчал себе под нос Грейтхаус.

– Джейкоб! – крикнул Хальцен в сторону дома, и на пороге появился мужчина в сером сюртуке и коричневом кожаном жилете. – Сходи, пожалуйста, за доктором Рамсенделлом. И скажи, что конвоиры приехали.

– Слушаюсь, – быстро кивнув, ответил Джейкоб и размашисто зашагал по хорошо утоптанной дорожке к Мэтью, который встретил здесь этого же пациента в первый приезд. Джейкоб внезапно остановился прямо перед лошадиной поилкой и сдавленным голосом спросил у Мэтью: – Вы приехали забрать меня домой?

Левый висок Джейкоба был вдавлен внутрь, а от правой щеки вверх по впадине, на которой даже волосы не росли, тянулся старый неровный шрам. Блестящие, будто остекленевшие глаза смотрели на Мэтью сосредоточенно и жалостно, с какой-то надеждой. От Рамсенделла Мэтью узнал, что это все из-за несчастного случая на лесопилке и что Джейкоб никогда больше не сможет жить, как выразился врач, «снаружи», со своей женой и двумя детьми.

Поняв, что Хальцен не собирается отвечать на вопрос вместо него, Мэтью сказал как можно добрее:

– Нет. К сожалению, нет.

Джейкоб пожал плечами, как будто ничего другого и не ожидал, но в глазах его, кажется, мелькнула боль.

– Ничего страшного, – сказал он с кривой усмешкой. – У меня в голове музыка играет.

И он пошел дальше по дорожке ко второму зданию, достал из кармана жилета связку ключей, отпер массивную деревянную дверь и исчез за ней.

– Какая у вас тут вольница – ключи им доверяете, – заметил Грейтхаус, сходя с повозки. – Не удивлюсь, если в один прекрасный день все ваши психи окажутся в лесах – что тогда делать будете?

– Возвращать их обратно. – У Хальцена снова во рту была трубка, и он выпустил дым в сторону Грейтхауса – в прошлый раз они тоже пикировались. – Тех, что сбегут, но таких было бы немного. Вы, очевидно, не понимаете, что большинство наших пациентов – как дети.

Грейтхаус извлек из кармана своего сюртука песочного цвета запечатанный конверт и поднял его над головой:

– Судя вот по этому, как минимум один из них не очень похож на дитя. Мы привезли вам на подпись кое-какие бумаги.

– Тогда пойдемте в дом.

Мэтью привязал лошадей к коновязи, поставил повозку на тормоз и последовал за Хальценом и Грейтхаусом в первое здание, где находились кабинет врача и помещение для консультирования. Обстановку комнаты составляли два письменных стола, большой стол для совещаний, шесть стульев вокруг него, шкаф для бумаг и полки, заставленные книгами. На полу лежал темно-зеленый тканый ковер. Хальцен закрыл входную дверь и жестом пригласил их сесть за стол, на котором стояла чернильница с гусиным пером. За другой дверью, в конце помещения, как Мэтью заметил в первый приезд, была комната для осмотров со шкафчиком для хранения лекарств и медицинских инструментов.

– Бумаги, – сказал Хальцен, и Грейтхаус сломал печать лорда Корнбери.

В конверте оказался комплект из трех официальных документов на пергаменте – такие Мэтью видел каждый день, когда служил секретарем у мирового судьи Натаниела Пауэрса. Грейтхаус нашел документ и его копию, на которых нужно было поставить по четыре подписи, Хальцен бегло просмотрел их и расписался, потом к ним приложил руку Мэтью. Грейтхаус обмакнул перо и уже выводил свое имя на копии, как вдруг входная дверь распахнулась, рука Грейтхауса непроизвольно дернулась, и вместо подписи получилась какая-то загогулина.

В кабинет лениво вошел пациент, которому вскоре предстояло получить еще и звание арестанта, а за ним – доктор Дэвид Рамсенделл и, на некотором расстоянии, Джейкоб.

Мэтью показалось, что воздух в комнате резко остыл.

– Гм! – с холодным презрением произнес новоприбывший и уставился на документы о переводе. Особенно его привлекли три имени, указанные в них. – Что, отдаете меня как обычного преступника, да? Позорище!

Грейтхаус посмотрел ему в лицо с выражением твердым, как надгробный камень.

– Ты, Морг, и есть обычный преступник.

– А вот и нет, сэр, – ответил пациент, едва заметно улыбаясь и насмешливо отвешивая легкий поклон. Руки его были сцеплены впереди, на запястьях – кожаные наручники, застегнутые на замок. – Во мне нет ничего обычного, сэр. И я был бы признателен, если бы вы оказали мне должное уважение и с этого момента называли меня, как подобает воспитанному джентльмену: «мистер Морг».

Никто не засмеялся. Никто, кроме самого Морга, который, переведя взгляд бледно-голубых глаз с Грейтхауса на Мэтью, разразился медленным хохотом, вылетающим из глубин его гортани, словно удары погребального колокола.

Глава 7

– Здорово, что ты такой весельчак, – сказал Грейтхаус, когда стих глухой смех Морга.

– Я успел в своей жизни вволю повеселиться, а у квакеров и в этом приюте добродетели у меня было много времени для веселых мыслей. Благодарю вас за внимание, мистер... – Морг сделал шаг к столу, явно намереваясь посмотреть, что там за подписи у Грейтхауса, но тот быстро схватил оба листа документов о переводе.

– «Сэр» вполне сойдет, – сказал Грейтхаус.

Морг улыбнулся и снова чуть поклонился.

Но потом, прежде чем высокий и худой бородатый доктор Рамсенделл успел подойти и взять протянутое Грейтхаусом перо, Морг развернулся к Мэтью и непринужденно и приветливо произнес:

– А вас я отчетливо помню. Мистер Рамсенделл назвал вас по имени у меня под окном. Это ведь было недавно, в июле? Вы... – Недолго подумав, он вспомнил. – Корбетт. Да?

Мэтью против своей воли кивнул: голос Морга как будто подчинял себе и требовал ответа.

– Помню, помню юного денди. А сейчас вы прямо совсем юный денди.

Это была правда. Следуя своему обыкновению всюду, даже отправляясь в поездку, выглядеть как положено нью-йоркскому джентльмену, Мэтью был в одном из своих новых сюртуков, пошитых Бенджамином Аулзом: темно-бордовом, как и жилет. Обшлага и лацканы были отделаны черным бархатом. Белая рубашка и галстук безупречно чисты и накрахмалены, на ногах – новые черные сапоги, на голове – черная треуголка.

– Денежками, смотрю, разжились, – сказал Морг, приблизившись лицом к лицу Мэтью. Он подмигнул и почти шепотом добавил: – Вот и молодец.

«Как описать неопишуемое?» – подумал Мэтью. С физическим обликом дело обстояло довольно просто: в широком лице Морга смешались черты джентльмена и дикаря. Лоб слегка выдавался вперед над сросшимися бровями цвета соломы. Такого же цвета были его непокорные спутанные волосы – в них, может быть, было чуть больше рыжины и они начинали седеть на висках. Густые усы были скорее седыми, чем соломенными, и со времени их июльской встречи пациент отрастил бороду, которая была как будто на скорую руку сметана из кусочков бород нескольких людей: тут немного темно-коричневая, там рыжее пятно, вот вкрапление каштановой, серебристый клочок под мясистой нижней губой и угольно-черная полоска на подбородке.

Он оказался не таким крупным, как запомнилось Мэтью. У него была могучая грудь бочкой и мощные плечи – пепельного цвета больничная рубаха сидела на нем в обтяжку, но руки и ноги торчали палками. Роста он был почти такого же, как Мэтью, но стоял сгорбившись: видимо, что-то с позвоночником. Руки его, однако, заслуживали особого внимания: непропорционально большие, с длинными пальцами и узловатыми костяшками; черные от въевшейся грязи отросшие ногти, зазубренные и острые, как маленькие клинки. Морг, очевидно, или отказывался мыться, или же ему давно не давали воспользоваться мылом и водой: его чешуйчатая плоть была серой, под стать одежде. А пахнуть так, как он, могла бы какая-нибудь падаль, истлевающая в болотной жиже, подумал Мэтью.

При всем этом у Морга был длинный аристократический нос с узкой переносицей и ноздрями, по-эстетски чувствительно раздувавшимися, будто ему нестерпимо было обонять вонь собственного тела. Глазами (большими, бледно-голубыми, холодными, но не лишенными веселости, в которых время от времени поблескивал игривый огонек, словно вдалеке зажигали красный сигнальный фонарь, и несомненно умными) он живо обшаривал все вокруг, впитывая все и вся, – как, собственно, и сам Мэтью.

Труднее было описать в Морге другое, думал Мэтью, – исходившее от него спокойствие, полное пренебрежение ко всему, что бы ни происходило в этом кабинете. Казалось, ему на все наплевать, но было в нем и что-то еще – какая-то уверенность, которая, наверное, противоречила сложившимся обстоятельствам, но ощущалась так же явственно, как шедший от него смрад. Она говорила о его силе и презрении к окружающим, и от одного этого Мэтью было очень не по себе. Когда Мэтью увидел Морга в первый раз, он решил, что ему явился сам Сатана. Но пусть Морг скорее хитер и коварен, чем болен, как тогда, в июле, сказал Рамсенделл, в конце концов, он всего лишь человеческое существо из плоти, костей, крови, волос и грязи. Судя по его виду, главным образом из волос и грязи. Ржавых звеньев в кандалах нет. День предстоит длинный, но выдержать можно. Это, конечно, зависит от того, в какую сторону будет дуть ветер.

– Отойдите, пожалуйста, – сказал Рамсенделл, подождет, пока Морг не выполнит его просьбу, и подошел к столу, чтобы подписать документы.

Хальцен попыхивал трубкой, словно хотел наполнить комнату пряным дымом каролинского табака, а Джейкоб стоял на пороге и наблюдал за происходящим со всем вниманием, на которое только способен человек, лишившийся части черепа.

Рамсенделл подписал бумаги.

– Джентльмены, – обратился он к Грейтхаусу и Мэтью. – Я признателен вам за помощь в этом деле. Уверен, вы знаете: мы с Кертисом, как христиане, дали квакерам торжественное обещание, что наш пациент... – Он замялся и отложил перо в сторону. – Что ваш арестант, – продолжил он, – будет доставлен в Нью-Йорк живым и в добром здравии.

– Сейчас он не выглядит очень здоровым, – ответил ему Грейтхаус.

– Чтобы вы, джентльмены, понимали – а я уверен, что вы, будучи добропорядочными гражданами, понимаете, – мы не приветствуем силовое воздействие, поэтому... если мистер Морг доставит вам в пути какое-либо беспокойство... я твердо надеюсь, что...

– Не волнуйтесь, мы его не убьем.

– Это очень обнадеживает, – сказал Морг.

Грейтхаус не обратил на него внимания и взял со стола третий лист пергамента.

– Я должен зачитать распоряжение о передаче. Это формальность, насколько я понимаю.

– О, зачитайте, зачитайте! – оскалился Морг.

– «Согласно сему распоряжению от июля третьего дня, года тысяча семьсот второго от Рождества Христова, – начал зачитывать Грейтхаус, – подданный Ее Величества Тирантус Морг подлежит выдворению из его нынешнего местопребывания, дабы предстать перед Королевской коллегией мировых судей города Лондона и графства Мидлсекс в Зале правосудия Центрального уголовного суда Олд-Бейли в составе судей Ее Величества в связи с убийствами, возможно совершенными неким Тодом Картером, цирюльником с Хаммерс-элли, с апреля тысяча шестьсот восемьдесят шестого по декабрь тысяча шестьсот восемьдесят восьмого года или около этого времени, основания для подозрения в коих дает недавнее обнаружение одним из жильцов в подвале, ниже уровня пола, костей одиннадцати мужчин и одного ребенка».

Грейтхаус устремил на Морга холодный взгляд:

– Ребенка?

– Разве я мог обойтись без подмастерья?

– «Вышеназванный подозреваемый, – продолжил читать Грейтхаус, – также обвиняется в причастности к исчезновению Энн Янси, Мэри Кларк и Сары Голдсмит и одновременному ограблению их родовых поместий с августа тысяча шестьсот восемьдесят девятого года по март тысяча шестьсот девяносто второго года или около этого времени с использованием следующих вымышленных имен: граф Эдвард Баудевайн, лорд Джон Финч и... – Он запнулся. – Граф Энтони Лавджой?»

– Я ведь тогда был еще молодой, – сказал Морг, едва заметно пожав плечами. – Воображение юное играло.

– Значит, вы ничего из этого не отрицаете?

– Я отрицаю, – последовал спокойный ответ, – что я обычный преступник.

– «Подписано достопочтенным сэром Уильямом Гором, рыцарем и лорд-мэром города Лондона, засвидетельствовано сэром Салафиилом Ловеллом, рыцарем и рекордером указанного города, и достопочтенным Джоном Дрейком, королевским констеблем». – Грейтхаус передал пергамент Рамсенделлу, который взял его, словно это была дохлая змея, и сказал Моргу: – Кажется, ваше прошлое догнало вас.

– Увы, я в ваших руках. Смею надеяться, что до отъезда вы накормите меня хорошим завтраком.

– Один момент, – сказал Мэтью, и оба врача немедленно обратили на него свои взоры. – Вы говорите, квакерам стало известно... что мистера Морга разыскивают в Лондоне. Как это случилось?

– К нам его привезли в августе прошлого года, и выглядел он примерно так же, как сейчас, – стал объяснять Рамсенделл. – Приблизительно через неделю один из их врачей поехал по делам в Лондон, добрался туда в ноябре и услышал все еще продолжавшиеся разговоры о костях, найденных на Хаммерс-элли месяцем раньше. – Рамсенделл вернул Грейтхаусу распоряжение о передаче и вытер ладони о бриджи. – Появились свидетели, они рассказали, как выглядел Тод Картер, описание внешности опубликовали в известной газете, и многие в городе прочитали его. Кто-то узнал в нем человека, представлявшегося лордом Джоном Финчем, который носил, как это называли, «лоскутную бороду». В «Газетт» тогда, видимо, непрерывно об этом писали.

– Кажется, я читал об этом, – стал припоминать Мэтью.

Он брал экземпляры «Газетт» у пассажиров, прибывавших морем, а значит, читал их не раньше чем через три месяца после самих событий.

– В описании внешности Картера врач узнал знакомого персонажа и обратился к королевскому констеблю. Но, как я сказал, к тому времени Морг уже был у нас. Квакерам было... мм... трудновато с ним справляться.

– А у вас лучше получалось? – Грейтхаус усмехнулся. – Я бы порол его каждый божий день.

– Слышишь, как они о тебе говорят, – сказал Морг, не обращая ни к кому в особенности. – Как о каком-то рисунке на обоях.

– А почему вообще он оказался в этом квакерском заведении? – спросил Мэтью.

– Он там оказался, – заговорил Морг, – потому что его арестовали на Филадельфийском тракте за разбой на большой дороге. Он решил, что сидеть в мрачной квакерской тюрьме – это не для него, поэтому ему, бедной, заблудшей душе, нужно прикинуться сумасшедшим и лаять подобно собаке, что он и начал проделывать прямо перед судом, состоявшим из тупиц. И он не возражал, когда его поместили в академию для умалишенных, и пробыл там... сколько же? Два года четыре месяца и двенадцать дней, если его математические способности еще не превратились в пудинг.

– Но это еще не все, – сквозь дым трубки проговорил Хальцен. – Он четыре раза пытался бежать из заведения квакеров, совершил нападения на двух других пациентов и чуть не откусил большой палец у врача.

– Он зажимал мне рот рукой. Это было очень грубо.

– А здесь Морг не пробовал ничего такого? – спросил Грейтхаус.

– Нет, – сказал Рамсенделл. – Ведь до тех пор, пока сюда не дошли известия о Тод Картере, он демонстрировал такое примерное поведение, что мы дали ему работу, за что он, увы, оплатил попыткой задушить бедную Мэрайю в красном амбаре. – По своим предыдущим приездам Мэтью знал, что за больницей есть дорога, уходящая к надворным постройкам. – Но его вовремя поймали и наказали со всей строгостью.

Губы Грейтхауса скривились в усмешке.

– И что же вы с ним сделали? Отняли у него душистое мыло?

– Нет, мы поместили его в одиночное заключение до тех пор, пока не было решено, что он может снова присоединиться к остальным пациентам. И потом на свободе он находился всего несколько дней перед тем, как вы, господа, увидели его лицо в окне. К тому времени у нас уже побывал представитель квакеров, которые получили из Лондона письмо от их врача, адресованное мне, с объяснением положения дел. После этого его держали отдельно от всех.

– А надо было бы его разделать под орех, – подвел итог Грейтхаус.

Мэтью смотрел на Морга, нахмутив брови, новые вопросы так и рвались из него.

– А жена у вас есть? И какие-нибудь родственники?

– На оба вопроса ответ: нет.

– Где вы жили до того, как вас арестовали?

– То тут, то там. В основном там.

– А работали где?

– На большой дороге, мистер Корбетт. Мы с моим товарищем неплохо зарабатывали: проворачивали разные делишки, освобождали проезжих от денежек. Упокой, Господи, душу Уильяма Раттисона.

– Его сообщника застрелили, когда они в последний раз пытались кого-то ограбить, – сказал Хальцен. – Видимо, даже терпению квакеров есть предел: они посадили вооруженных констеблей в один из экипажей, курсирующих между Филадельфией и Нью-Йорком.

– Скажите, – снова обратился Мэтью к Моргу, – вы с Раттисоном убивали кого-нибудь, когда... проворачивали свои делишки?

– Нет. Ну, нам с Ратси приходилось иногда дать кому-нибудь по башке, если человек начинал болтать. Убийство не входило в наши намерения, нам нужны были деньги.

Мэтью потер подбородок. Что-то во всем этом не давало ему покоя.

– Значит, вы предпочли провести оставшуюся жизнь в сумасшедшем доме, вместо того чтобы предстать перед судьей и получить срок... то есть... клеймо на руку и, скажем, три года? Наверное, решили, что из психбольницы легче будет убежать? И почему сейчас вы с такой охотой покидаете это место, что даже не пытаетесь оспаривать обвинения? Ведь врач квакеров мог и ошибаться.

На лице Морга снова появилась улыбка, а потом медленно сошла с него. Холодное выражение его глаз нисколько не изменилось.

– Дело в том, – ответил он, – что я никогда не лгу людям, если они не дураки.

– Вы хотите сказать, что не лжете людям, которых невозможно одурачить, – сказал Грейтхаус.

– Я хотел сказать то, что сказал. Меня в любом случае отсюда заберут. Посадят на корабль и отправят в Англию. Приведут в суд, меня опознают свидетели, потом у меня выключат, чтобы я показал, где захоронены три очень красивые и очень глупые леди, запихнут в Ньюгейтскую тюрьму, и, наконец, под хохот слюнявой черни я взойду на виселицу. Это произойдет в любом случае. Зачем же мне что-то скрывать и пятнать мою честь перед такими профессионалами, как вы?

– А может быть, вы просто не сомневаетесь в том, что сможете сбежать от нас по дороге? – предположил Мэтью. – Даже от таких профессионалов, как мы?

– Такая мысль... у меня мелькала. Но, милостивый государь, не стоит винить ветер за то, что он хочет дуть.

Грейтхаус положил распоряжение о передаче и их экземпляр документа о переводе обратно в конверт.

– Мы его забираем, – отрезал он. – Ну а теперь деньги.

– О, это всегда важно, – лаконично заметил Морг.

Рамсенделл подошел к одному из письменных столов, выдвинул ящик и достал матерчатый мешочек.

– Здесь должно быть два фунта. Пересчитайте, если хотите.

Мэтью видел, что Грейтхаусу очень хочется проверить, сколько денег лежит в оказавшемся на его ладони мешочке, но желание как можно скорее уйти из дома умалишенных взяло верх.

– В этом нет необходимости. На выход! – скомандовал он арестанту и показал рукой на дверь.

Когда они, выйдя, направились к повозке – Морг первым, за ним Грейтхаус, потом Мэтью с врачами, – из окон центрального здания, в решетки которых вжались землистые лица, раздалась какофония улюлюкающих криков и свиста. Грейтхаус не сводил глаз со спины Морга. Вдруг, откуда ни возьмись, рядом с Грейтхаусом оказался Джейкоб, и бедняга с надеждой спросил:

– Вы приехали забрать меня домой?

Морг, резко втянув в себя воздух, повернулся.

Руки его так и были сцеплены кожаными наручниками. Он шагнул вперед и оказался лицом к лицу с Джейкобом.

Грейтхаус замер, за ним застыл на полушаге Мэтью.

– Милый Джейкоб, – мягким, ласковым голосом сказал Морг, и глаза его вспыхнули красным огнем. – Никто тебя отсюда домой не заберет. Ни сегодня, ни завтра, ни потом. Ты останешься здесь на всю жизнь, здесь и помрешь. Потому что, милый Джейкоб, про тебя забыли, и никто никогда за тобой не приедет.

Джейкоб смотрел на него с полуулыбкой.

– Я понял... – сказал он.

Тут что-то, видимо, щелкнуло у него в голове, и это была не музыка, поскольку улыбка его надломилась так же бесповоротно, как, должно быть, треснул его череп в тот роковой день, когда с ним произошел несчастный случай. Глаза его расширились в ужасе, будто он вспомнил, как на него надвигается пила, но ясно, что ничего уже не сделать, слишком поздно, жизнь прошла. Рот у него раскрылся, лицо обмякло и стало таким же землисто-бледным, как у людей, кричавших из-за решеток. Доктор Хальцен в мгновение ока оказался рядом с ним, коснулся его руки, приобнял и сказал ему на ухо:

– Пойдем, Джейкоб. Пошли, чаю попьем. Хорошо?

Джейкоб позволил себя увести. Лицо его ничего не выражало.

Морг смотрел, как они уходят, и Мэтью увидел, что он вздернул подбородок, гордясь своим доблестным поступком.

– Сними обувь, – хрипло сказал Грейтхаус.

– Простите, сэр?

– Башмаки. Снять. Быстро.

Моргу мешали наручники, но он стащил с себя башмаки. Его грязные ноги с корявыми желтыми ногтями глаз не радовали, как, впрочем, и нос.

– Бросай в поилку, – велел ему Грейтхаус.

Морг метнул взгляд на Рамсенделла, который даже не попытался вмешаться. Бумаги были подписаны, деньги переданы – он был со злодеем в расчете.

Морг подошел к лошадиной поилке и один за другим бросил башмаки в воду.

– Да я, в общем, не против, – сказал он. – Лошадей только вот бедных жалко.

И он одарил Грейтхауса улыбкой измученного святого.

Грейтхаус толкнул Морга к повозке. Затем достал из-под сиденья пистолет, взвел курок и, стоя за спиной арестанта, уткнул ствол в левое плечо Морга.

– Доктор Рамсенделл, надеюсь, его как следует обыскали на предмет спрятанного оружия?

– Как видите, одежду ему выдали без карманов, и, да, его хорошенько ощупали.

– Я такое удовольствие получил, – сказал Морг. – Конечно, честь заглянуть мне в задницу они уступили вам.

– Снимите с него наручники, – сказал Грейтхаус.

Врач всунул ключ в замок, запиравший кожанные наручники. После того как они были сняты, Грейтхаус приказал:

– Сюда, – и потащил Морга к задней части повозки. – Забирайся, – последовала еще одна команда. – Медленно.

Арестант, склонив голову, молча повиновался.

Грейтхаус сказал Мэтью:

– Держи его под прицелом.

– Да будет вам! – возмутился Морг. – Я что, по-вашему, хочу, чтобы меня застрелили? И между прочим, квакерам это вряд ли понравилось бы.

– Целься ему в колено, – посоветовал Грейтхаус, отдав Мэтью пистолет и взбираясь на повозку сзади. – Мы обещали только, что не убьем тебя. Садись.

Морг сел, озадаченно уставившись на Мэтью.

Грейтхаус извлек из мешка кандалы. Они состояли из ручных оков, цепями соединенных с парой наножников. Цепи были короткие, так что Морг если бы и смог стоять, то только в очень неудобной согбенной позе, полуприсев. К концу еще одной цепи, соединенной с правым наножником, был прикован чугунный шар весом в двадцать фунтов – из-за грохота, с которым такое ядро волочилося по каменному полу тюрьмы, его иногда называли «громовым шаром». Заперев кандалы на второй ноге, Грейтхаус положил ключ в карман рубашки.

– О боже, – сказал Морг. – Мне, кажется, надо сходить по-большому.

– Для этого у тебя есть штаны, – ответил ему Грейтхаус. Взяв у Мэтью пистолет, он снял курок с боевого взвода. – Ты садись на козлы, а я покараюлю.

Мэтью отвязал лошадей, забрался на свое сиденье, поставил повозку на тормоз и взял вожжи. Грейтхаус тоже залез, сел рядом с ним и повернулся лицом к арестанту. Пистолет он положил на колени.

– Удачи вам, джентльмены, – сказал Рамсенделл. Голос его теперь звучал веселее – врач явно чувствовал облегчение. – Желаю вам побыстрее доехать, и да бережет вас Бог.

Мэтью развернул лошадей и направил их обратно, к Филадельфийскому тракту. Хотелось бы ему тряхнуть вожжами по их задам, чтобы они побежали рысью, но предпринятая им попытка «побыстрее доехать» ни к чему не привела: старые клячи лишь с трудом переставляли копыта. К тому же теперь им приходилось тащить повозку, потяжелевшую на двести фунтов.

Они отъехали; слышно было, как позади вопят и лопочут за решетками окон сумасшедшие.

– Прощайте, друзья! – крикнул им Морг. – Прощайте, добрые души! Мы еще встретимся – на пути в Рай! Ах, послушайте, как кричат мои поклонники, – сказал он уже тише. – Они так меня любят.

Глава 8

– Пахнет дождем.

Это были первые слова, сказанные Моргом с тех пор, как они покинули дом призрения душевнобольных, оставшийся уже милях в четырех позади. Мэтью успел заметить большую стену темнопуzych облаков, надвигавшуюся с запада, и тоже ощутил в воздухе слабый, но характерный металлический запах, предвещавший грозу. Как только, подумал он, Морг сумел...

– Вы, наверное, удивляетесь, – продолжил арестант, – как это я могу еще чувствовать какие-то запахи, когда от меня сейчас такое амбре. Но не всегда же от меня так воняло. На самом деле банный день я очень любил – тогда и побриться можно было. Бритву мне, конечно, в руки не давали. Но меня лишили этих радостей, когда врачи стали бояться даже моей тени. – Он подождал, не ответят ли что-нибудь Грейтхаус или Мэтью, но они молчали. – Хорошо побриться – это так важно, – возобновил он свою речь, словно был членом палаты лордов и беседовал с коллегами. – Гладкая кожа кресла, на спинку которого вы... откидывается. Пар, идущий от горячего полотенца, которым вам протирают лицо. Теплая пена, пахнущая санда-

ловым деревом, которую наносят на ваши щеки податливым помазком из барсучьего волоса. Не очень много, конечно, – нельзя транжирить такой дорогой материал! И наконец – бритва. Ах, джентльмены, создавал ли когда-нибудь человеческий ум инструмент прекраснее? Рукоять – костяная, или из орехового дерева, или слоновой бивня, или из красавца-перламутра. А само лезвие – тонкое, изящное и ну такое женственное. Красота, симфония, сверкающее произведение искусства.

Он немного позвенел цепями, но Мэтью не сводил глаз с дороги, а Грейтхаус – с Морга.

– Рыжие бороды, каштановые, черные, – сказал Морг. – Я любые чикал. О, как бы мне хотелось и вас почикать. Вам нужно побриться, сэр.

У Мэтью был с собой мешочек с бритвой и мылом для бритья, лежавший под сиденьем, там же, где фляжка с водой. Утром, поднявшись с постели, он сбрил с лица всю растительность. Грейтхаус же мог по несколько дней, пользуясь словечком Морга, не чикать ее.

Некоторое время Морг молчал. Навстречу им проехал всадник в штанах из оленьей кожи, приветственно кивнул и продолжил свой путь на юг. Мэтью снова взглянул на медленно приближавшиеся тучи. Они с Грейтхаусом взяли в дорогу легкие плащи и сейчас сидели, подложив их под себя на занозистые доски сиденья, но Мэтью жалел, что не захватил плотное пальто из толстого сукна: он ведь по опыту знал, что холодный дождь может превратить поездку в жестокое испытание. Но в октябре никогда не знаешь, чего ждать от погоды.

Морг откашлялся.

– Надеюсь, джентльмены, вы не затаили на меня недобрых чувств из-за того, что я сказал бедняге Джейкобу правду, – снова заговорил он. – Знаете, мне по душе этот молодой человек. Жалко мне его, зря эти докторишки не скажут ему все как есть. Я лелею надежду, что благодаря правде, которую я ему открыл, у него в голове прояснится, он пойдет в сарай, возьмет веревку и повесится.

Мэтью знал, что после такого высказывания Грейтхаус не сможет смолчать. Так и вышло, тут же раздался его хриплый голос:

– Мм, надежду такую, значит, лелеешь?

– Именно. Вы сами подумайте! Когда-то это был здоровый молодой человек, у него, насколько я понимаю, была жена, двое детей. А потом произошел ужасный несчастный случай на лесопилке, на реке, в котором он, по всей видимости, не виноват. Сейчас ему пока, наверное, хорошо и спокойно, если верить, что можно сделать человека счастливым, обманывая его, но как насчет его будущего? Лучше ему уже никогда не станет. Он не поправится ни на вот столечко. И что же с ним будет? Что, если Рамсенделл и Хальцен покинут больницу, а им на смену придет заведующий, так сказать... построже? Какие издевательства тогда ждут нашего Джейкоба? А сейчас доктора лишь впустую тратят на него время и деньги, поскольку, смею заметить, там есть пациенты, в состоянии которых возможно улучшение. Так что Джейкоб, можно сказать, лишь мешает им работать, ведь ни на какое выздоровление ему надеяться не приходится. И, сэр, вот вы бы разрешили его семье приехать к нему, чтобы детишки увидели, во что он превратился, и ужаснулись? Вы разрешили бы ему вернуться домой, к ним, где он, скорее всего, стал бы только обузой и мешал бы жить всем, кого когда-то любил? – Морг поцокал языком. – Да, сэр, рано или поздно, если Джейкоб не покончит с собой, до одного из этих врачей, может быть, наконец дойдет, что будет лишь на благо больнице, если какой-нибудь несчастный случай с киркой или лопатой избавит этого горемыку от страданий. Вы же, сэр, верите, что на Небесах куда лучше, чем здесь, верно?

– Говори-говори, может, сам это выяснишь. Правда, я сомневаюсь, что твоей последней гаванью будут Небеса.

– Сэр, я верю, что мое заключительное плавание приведет меня именно на Небеса, ибо Ада я на своем земном пути насмотрелся. Скажите, как вас зовут? Ваше лицо кажется мне знакомым.

– Мы никогда не встречались.

– Да? Почему вы так в этом уверены?

– Потому что ты до сих пор жив, – ответил Грейтхаус.

Морг снова засмеялся, как будто медленно зазвонил погребальный колокол, к которому, впрочем, примешивалось лягушачье кваканье.

– Хочу спросить, – заговорил Мэтью, пусть лишь для того, чтобы прекратился этот жуткий смех. – Почему вы не попытались бежать из дома призрения, не воспользовались возможностью?

– Возможностью? Какой возможностью?

– Доктор Рамсенделл рассказал, что, когда вам позволили работать, вы чуть не удавили женщину в амбаре. За вами, наверное, был какой-то присмотр, но вы же тогда были за пределами больницы. Почему вы просто не удрали?

Морг немного подумал над вопросом под скрип повозки и сказал:

– С моим стремлением к свободе вступила в противоречие моя природная доброта. Мне жаль, что страдает Джейкоб, и точно так же мне больно было смотреть на бедную Мэрайю. Насколько я понимаю, над этой молодой женщиной и ее дочерью надругались два скота. Рассудок ее помутился, дух был сломлен. Дочь убили у нее на глазах. Бывали дни, когда она не способна была ничего делать – только забиться в угол да плакать. Ну а в тот день я собирался, как вы изящно выразились, удрать, но христианское милосердие не позволило мне бежать, не освободив Мэрайю из темницы боли, в которой она жила. Но я не успел избавить ее от страданий: один из дурней, сунувшихся в амбар, треснул меня по затылку топором.

– В том-то и беда с этими психами, – сказал Грейтхаус, с особым вниманием разглядывая курок пистолета. – Они не понимают, каким концом топора нужно вломить.

– Не буду отрицать, я многих отправил на тот свет, – последовало очередное откровение Морга – так кто-нибудь мог бы сказать, что съел много кукурузных лепешек. – Но я всегда действовал избирательно, сэр. Одних избавлял от несчастья быть тупицами, других выпускал из клетки собственного высокомерия. – Он пожал плечами, отчего цепи зазвенели. – Я мог перерезать горло господину, чересчур обуреваемому жадностью, или проломить голову какой-нибудь малосимпатичной даме, в своем безумии возомнившей себя звездой, вокруг которой вращается мир. И что с того? Разве крысолова вешают за то, что он убивает крыс? А коновала казнят за то, что он вышибает мозги больной кляче?

– А ребенок? – Грейтхаус взвел курок пистолета, снял его со взвода, потом снова взвел, пристально разглядывая свой палец на спусковом крючке. – Его-то за что?

– Бедный мальчик, да спасет Христос его душу, – он был слабоумный, по ночам писался в постель. И еще у него было что-то с шеей, боли страшные. Ни отца, ни матери, родни никакой, уличный мальчишка. Что мне, с собой было его брать, что ли? Или бросить на милость Лондона? Нет, для этого я слишком джентльмен.

Грейтхаус не ответил. Мэтью взглянул на него – тот не отрываясь смотрел на пистолет, палец его лежал на спусковом крючке, курок был полностью взведен. В таком положении Грейтхаус просидел несколько секунд, затем глубоко втянул воздух, снял курок с боевого взвода и сказал:

– Когда окажешься в Лондоне, тебе, может, медаль за заслуги дадут – на веревку себе нацепишь.

– Сэр, я надену ее с гордостью.

Грейтхаус посмотрел на Мэтью темными впадинами глаз:

– Давай-ка поменяемся местами. Прямо сейчас.

Мэтью передал Грейтхаусу вожжи, а тот ему – пистолет. Мэтью развернулся на сиденье и приступил к наблюдению за арестантом. Морг сидел, прислонившись спиной к борту повозки

и подставив серое лицо с лоскутной бородой лучам солнца, тут и там пробивавшимся сквозь густеющие облака. Глаза его были закрыты, как будто он погрузился в раздумье.

На его левую щеку села муха и поползла по лицу. Он никак на это не отреагировал. Муха взобралась на аристократический нос, но Морг по-прежнему не размыкал век. Когда муха пробралась между широких ноздрей к лесу усов, Морг, не открывая глаз, сказал:

– Мистер Корбетт, вы меня заинтересовали.

При первом звуке его речи муха взлетела, с жужжаньем покружила вокруг треуголки Мэтью и была такова.

Мэтью ничего не ответил. Пистолет лежал у него на коленях. Ржавых звеньев в кандалах не было, и Морг никуда не сбежит. Если бы не борода и грязные ноги, оттуда, где сидел Мэтью, арестанта вполне можно было бы принять за обмотанный цепями мешок со зловонными тряпками.

– Боитесь со мной говорить? – спросил Морг, так и не поднимая век.

– Почему бы тебе просто не заткнуться? – не выдержал Грейтхаус.

– Потому что, – и тут бледно-голубые глаза открылись и уставились на Мэтью с выражением, не лишенным издевки, – время уходит.

– Да что ты? В каком смысле?

– В таком смысле... что оно уходит, – повторил Морг.

– Это что, угроза?

– Вовсе нет. Сэр, почему бы вам не расслабиться? – Он едва заметно улыбнулся. – Смотрите, какое прекрасное утро. Слушайте, как поют птички, и думайте о хорошем. Позвольте мне побеседовать с этим молодым человеком – мне почему-то кажется, что из вас двоих ума у него побольше будет. На самом деле я не сомневаюсь, что вы – это мускулы, а он – мозг. Так ведь, мистер Корбетт?

Грейтхаус издал такой звук, будто кто-то выпустил газы между стофунтовыми ягодицами.

– Именно так, – решил сказать Мэтью, хотя бы для того, чтобы подразнить здоровяка.

Оттого что он так заговорил с арестантом, в животе у него что-то напряглось, как будто образовался комок размером с кулак, но ему не хотелось показывать, что он чувствует хоть какое-то неудобство. Да и это было бы непрофессионально.

– Пытаюсь понять, на каком поприще вы подвизаетесь. – Морг смерил Мэтью взглядом от носков сапог до верха треуголки. – Оно, конечно же, как-то связано с законом. Я знаю, что вы несколько раз навещали в больнице ту старушку. А в первый раз и он с вами приезжал. Вы, наверное... юрист. А он – костолом, деньги выбивает и вообще занимается тем... до чего не снисходит молодой адвокат. Правда, он немного командует вами, вот это мне не совсем понятно. – Он произвел осмотр в обратную сторону, на этот раз от треуголки до сапог. – Дорогая, прекрасно сшитая одежда. О-о-очень хорошие сапоги. А, вот оно что! – Он осклабился. – Вы успешный молодой юрист, немножко слишком высокого мнения о себе, но очень целеустремленный, а он – из местных стражей порядка. Может, бывший военный? Привык командовать? Я в правильном направлении мыслю?

– Возможно, – сказал Мэтью.

– Тогда пойду дальше. Вы молодой юрист, а он – страж порядка из ополчения. Может быть, капитан. Я знаю, как выглядят капитаны: сам был солдатом. Значит, вас послали проследить, чтобы все было сделано по правилам, а он здесь, потому что не понаслышке знает, как обращаться с наручниками, кандалами и пистолетами. Сэр, вы сами успели побывать в тюрьме или дурдоме?

Надо отдать должное самообладанию Грейтхауса: он ничего не ответил.

– Торгуете огнестрельным оружием? А, вот, наверное, что! Вы как-то связаны с тюремным начальством? Значит, вам двоим велели приехать за мной, за два фунта связать, как птицу со сломанным крылом, и притащить в Нью-Йорк. Так, мистер Корбетт?

– Нам заплатили пять фунтов, – сказал Мэтью, только чтобы остановить этот поток болтовни.

– А-а-а, понятно. – Морг кивнул, глаза его заблестели. – Серьезная сумма! Стало быть, нью-йоркские чиновники еще три доплатили? Пять фунтов, между собой поделите, да? – Он изобразил пальцами, будто пересчитывает деньги. – По два с половиной фунта в карман каждому! Щедрая плата за такой старый мешок с кишками, как я!

– Морг, – отрывисто бросил Грейтхаус, не оглядываясь, – если ты не заткнешься, я делаю остановку, и дальше не поедem, пока я тебе хотя бы три зуба не выбью. Понял?

– Прошу прощения, сэр. Я не хочу ссориться. Да и зубов терять больше не хотелось бы – природа и психбольничная диета и так их у меня достаточно отняли. – Он ласково улыбнулся Мэтью. – Но, мистер Корбетт, прежде чем я снова почувствую себя как в одиночном заключении, что мне так привычно, могу ли я спросить вас, совпадает ли ваше мнение относительно того, сколько нам осталось ехать до реки, с моим? Наверное... чуть меньше двух часов, так?

Мэтью знал, что Морг говорит о реке Раритан. Паром должен был переправить их повозку на другой берег.

– Да, так.

– Как медленно плетутся эти клячи, – сказал Морг и снова закрыл глаза.

Мэтью не терял бдительности, понимая, что арестант замолчал ненадолго. Он пытался представить себе, что будет делать, если Морг вдруг бросится на него. Но руки и ноги преступника – в кандалах, к которым прикован тяжелый громовой шар; ни на кого Морг сегодня не нападет. Вскоре лицо его расслабилось, веки дрогнули, и Мэтью осмелился предположить, что арестант забылся в крепких объятиях Морфея.

Через некоторое время на Морга села еще одна муха (а может быть, та же самая) – она приземлилась около уголка его рта. Он не пошевелился и даже не открыл глаз. Муха неспешно поползла по нижней губе, крылья ее настороженно дрожали. Она продолжала свой путь словно по краю обрыва над лесистой долиной.

Когда муха добралась до середины губы, Морг внезапно сделал быстрое движение ртом. Послышался короткий всасывающий звук, и муха исчезла. До Мэтью донесся едва различимый хруст.

Морг открыл глаза и уставился на Мэтью. В глубине зрачков арестанта вспыхнул красный огонь, а когда Морг оскалился, на одном из передних зубов был виден кусочек раздавленной мухи. Потом веки его снова захлопнулись, он отвернулся от солнца и затих.

– Все в порядке? – спросил Грейтхаус, возможно заметив, что Мэтью вздрогнул и чуть не подскочил на сиденье.

– Да. – Голос Мэтью прозвучал примерно на пол-октавы выше обычного. Он сделал еще одну попытку – поубедительнее. – Да. Все хорошо.

– У тебя треуголка съехала, – сказал Грейтхаус, быстро взглянув на Мэтью, дабы убедиться, что с ним и правда все в порядке. – Хочешь, поменяемся местами?

– Нет. – Он поправил ослушавшийся головной убор. – Спасибо.

Филадельфийский тракт все тянулся сквозь джерсийские леса, клячи переставляли копыта, крутились колеса повозки, и Мэтью казалось, что никогда еще он не ехал так медленно. Дорога постепенно загибалась направо, потом опять шла прямо, потом начинала сворачивать влево, и так снова и снова. Лес по обеим сторонам как будто нисколько не менялся – ни дать ни взять нарисованная декорация. Но нет, они все-таки продвинулись вперед: вдалеке, на вершине холма над вспаханнами полями, возник одинокий фермерский дом. Дорогу грациозно перебежал олень. Вверху, несомые потоками воздуха, кружили два ястреба. Земля продолжала вертеться, и время не остановилось.

Они проехали мимо маленького серого дома, стоявшего за каменной стеной слева от дороги и однажды, в отличие от стены, не уступившего напору бури: крыша его обрушилась.

Тут уже давно никто не жил; бывшее поле заросло сорняками и кустарником. Большой дуб с огромными кривыми ветвями, росший справа от дома, словно говорил: можно трудиться на земле в слезах и поте лица своего, преодолеть множество невзгод и даже завоевать на время благосклонность судьбы, так что ты будешь в состоянии прокормить семью, но окончательное решение о том, добьешься ты успеха или потерпишь неудачу и вообще останешься ли жив, всегда выносит на этой земле суровый суд природы. Человек может считать себя здесь хозяином, но на самом деле ему лишь разрешили временное проживание.

Цепи на Морге зазвенели, и у Мэтью что-то непроизвольно сжалось в животе.

– Можно попить? – попросил арестант.

Мэтью достал из-под сиденья фляжку, откупорил ее и протянул Моргу, подставившему сложенные в пригоршню руки. Пил он беззвучно, как животное. Потом Мэтью убрал фляжку и принял прежнее положение: пистолет на коленях, рука на рукоятке.

Морг оглядел окружающий пейзаж – сплошную стену леса по обе стороны дороги.

– Сколько я проспал?

Мэтью пожал плечами, не желая втягиваться в разговор.

– Скоро до реки, наверное, доедем. Сколько еще до нее осталось, не скажете?

– Какая тебе разница? – оглянувшись, бросил Грейтхаус. – Когда доедем, тогда доедем.

– Ну как, разница есть, сэр. Большая разница, причем для всех нас. Видите ли, как я уже сказал, время уходит.

– Опять за свое? Хватит.

– Так, надо понять, где же это мы.

Морг попробовал встать на колени, и цепи загремели, как когти дьявола по шиферной крыше.

– Сидеть на месте! – почти в один голос приказали ему Мэтью и Грейтхаус.

– Не стоит беспокоиться, джентльмены. Скован я крепко, поверьте. Ну ладно. Я так понимаю, мы уже проехали каменную стену и Гидеонов дуб – есть такой ориентир на тракте. Давно? – Ответа он не получил. – Думаю, не очень. Примерно через полмили слева вы увидите дорогу, которая сворачивает в лес. Дорогой ее, вообще-то, трудно назвать. Скорее, тропа. Предлагаю вам поехать по ней, пока время не вышло.

– Да что ты такое несешь? – Грейтхаус, похоже, начинал терять терпение.

– Время для вас и мистера Корбетта истечет, сэр, когда вы въедете на этой повозке на паром. Потому что, когда мы переправимся через реку, – тихим, спокойным голосом сказал Морг, – вы упустите свой шанс найти целое состояние, путь к которому могу указать я – и только я.

Глава 9

На некоторое время воцарилась тишина, и слышно было лишь, как скрипят колеса, позвякивает упряжь, долбит ствол сосны дятел да вдалеке кукарекает свихнувшийся петух, но вдруг все это заглушил дикий хохот. Он не был похож на погребальный колокол, – скорее, так могла бы смеяться пьяная гагара.

Мэтью никогда раньше не слышал, чтобы Грейтхаус хохотал так безудержно, до изнеможения. Лицо его налилось кровью, и Мэтью испугался, как бы старший товарищ не потерял контроль не только над лошадьми, но и над своим рассудком и не свалился с козел в сорную траву.

– Ну ты придумал! – выдохнул Грейтхаус, когда к нему наконец вернулась способность говорить. На глазах у него даже выступили слезы. – Отличная попытка, Морг! Теперь я понимаю, почему ты загремел в дурдом! Ты ведь и вправду псих!

На него снова напал приступ сдавленного смеха, и Мэтью подумал, что от такого веселья можно и задохнуться.

У Морга несколько не изменилось выражение лица, то есть оно оставалось пустым, лишь чуть приподнялись брови.

– Сэр, я был бы благодарен, если бы вы не забывали обращаться ко мне как к джентльмену.

– Ну ладно, мистер наш Морг! – сказал Грейтхаус. Он едва сдерживал смех, на смену которому чуть заметно начинал приходиться гнев. – Ты что, думаешь, мы тебе пара дураков, черт тебя побери? Свернуть с тракта на какую-то дорогу в никуда? Господи помилуй!

– Да будет вам смеяться, – вкрадчиво сказал Морг. – Когда сможете слушать и не хихикать, скажите. Но, говорю вам, эта дорога ведет куда надо, и в конце ее – горшочек, набитый золотом.

– Все, хватит. – Голос Грейтхауса звучал твердо и уже вполне серьезно. Он тряхнул вожжами, потом еще раз, сильнее, но лошади упрямо отказывались ускорить шаг. – Расскажешь нам про это, когда будешь в тюрьме.

– И кто же здесь псих, сэр? На кой ляд и за какими шестнадцатью чертями мне рассказывать вам об этом, когда я буду в тюрьме? Я хочу поделиться с вами секретом, чтобы как раз не попасть в тюрьму.

– Но ты в нее попадешь, будь уверен. Заткнись, а?

– Мистер Корбетт! – Теперь Морг вперил умоляющий взгляд в Мэтью. – Я говорил, что, по-моему, из вас двоих вы умнее будете. Можно я хотя бы объясню, о чем речь?

– Нет! – отрезал Грейтхаус.

– Мистер Корбетт! – не отставал Морг. – Мы скоро доедем до этой дороги. Если мы не свернем на нее и переправимся через реку, ни вы, ни вы не захотите вернуться и упустите возможность, о которой я еще никогда никому не рассказывал и никогда бы никому не рассказал, если бы меня... гм... слегка не беспокоило мое будущее. – Он помолчал, чтобы Мэтью обдумал его слова. – Можно я расскажу?

– Это обещает быть интересным! – сказал Грейтхаус, презрительно фыркнув. – Бред сумасшедшего! Ну валяй!

– Спасибо. Хотите знать, почему квакеры привлекли констеблей – а правильное их называть вооруженными наемниками – для сопровождения экипажей и охраны тех, кто ездит по этой дороге? Потому что мы с Ратси чертовски преуспели в нашем нелегком труде. Мы окучивали участок тракта от реки до Филадельфии почти два года, джентльмены. Хоть в зной, хоть в дождь. Из-за нас тракт, кажется, стал пользоваться дурной славой. Квакеры забеспокоились, что их безупречная репутация защитников законности и порядка будет подорвана. Потому они наняли этих мушкетеров, и однажды свинцовая пуля вышибла Ратси мозги.

– Жаль, что второй выстрел... – Грейтхаус поискал нужное слово, – и тебя не чикнул.

– О, в меня тоже стреляли, как же. Попали в коня, и он меня сбросил. Я полетел вверх тормашками, лишился чувств и очнулся в цепях в повозке – очень похожей на эту. Воспользовавшись тем, что вся голова у меня была в крови, я слезно умолял, чтобы меня приютили в сумасшедшем доме, – я знал, что квакеры должны рассмотреть такую просьбу, они ведь, черт возьми, образец человеколюбия.

– И так закончилось господство дерзких рыцарей большой дороги, – сказал Грейтхаус, на секунду оглянувшись. – Прости, что я не рыдаю.

– Сэр, вы упускаете главное. А именно, что наши вылазки были очень удачными. Почему нас и сочли такими опасными и решили поймать и посадить. – Морг перевел взгляд с затылка Грейтхауса на Мэтью. – Мы награбили кучу денег.

– Слушай, слушай его вранье!

– Большую кучу денег, – повторил Морг. – В конце дороги, мимо которой вы собираетесь проехать минут через десять, спрятан ларец, а в нем – больше пятидесяти фунтов.

Мэтью думал, что Грейтхаус снова рассмеется или скажет какую-нибудь грубость, но тот сидел тихо.

Колеса повозки продолжали крутиться.

– И там не только деньги, – продолжал Морг, упершись взглядом в глаза Мэтью. – Золотые кольца, драгоценные камни в красивеньких брошках, серебряные булавки и прочее. Все сокровища, что мы за два года натащали у проезжавших купцов, разных пижонов и дамочек. В общей сложности, я бы сказал, там добра на кругленькую сумму – хорошо за сто фунтов. В модных камешках я не сильно разбираюсь, так что, может, и куда больше выйдет. Почему нынче нитка жемчуга?

– Ну-ну, ври дальше, – ответил ему Грейтхаус. – Совсем нас за идиотов держишь?

Он снова с силой тряхнул вожжами, как будто хотел отдалиться от арестанта, но это ему, увы, не удалось.

– Мистер Корбетт? – Морг снова приподнял брови. – Вы совсем идиот?

Мэтью выдержал его взгляд. Он пытался прочесть что-нибудь в его глазах, выражении лица, уловить в том, как он держит голову или сжимает руки, хоть какой-нибудь сигнал, который бы выдал его, но тщетно: Морг был непроницаем.

– Я думаю, вы лжете, – сказал Мэтью.

– Вы так считаете? Правда? Или думаете, как, небось, и ваш коллега, что вот переправят меня через реку, отвезут дальше, в Нью-Йорке запихнут в тюрьму, потом посадят на корабль, а в Лондоне повесят, и никакого ларца в конце той дороги так и не найдут даже к тому времени, когда вы, джентльмены... осмелюсь сказать... уже будете вовсю гнить в могилах? Если найдут когда-нибудь вообще. – Морг оскалил зубы. – А я прямо вижу этих людей будущего! Как они роют землю – и лопата звякает о спрятанный ларец! А потом открывают его и видят все это сияющее добро – что они подумают, мистер Корбетт? Что они подумают? Что кто-то давным-давно соврал, дабы спасти свою шкуру? Кто-то, закованный в цепи, под дулом пистолета? Нет, они подумают... что это за полный идиот закопал тут ларец с сокровищами, да так за ним и не пришел? А следующей их мыслью будет: ну что ж, теперь он наш, ведь тех людей давно уж нет в живых, а мертвым деньги не нужны. – Он чуть подался вперед, словно хотел поделиться секретом. – Но живым они нужны, верно? Да, живым нужно много денег – чтобы жить хорошо. И это никакое не вранье.

Мэтью молча изучал лицо Морга. Понять, правду он говорит или все выдумал, было совершенно невозможно.

– Тогда объясните мне вот что, – сказал он ровным, невыразительным голосом. – Почему вы прятали награбленное добро аж здесь, так далеко от Филадельфии?

– Это не единственный наш тайник. Я решил, что безопаснее будет держать деньги в двух разных местах. Если одно обнаружили бы, у нас есть запасное. Первое – дом в нескольких милях к северо-западу от города, в лесу. Там спрятан еще один ларец, а в нем – фунтов тридцать и немного драгоценностей. Но туда я вам ехать не предлагаю, это в наш с вами договор не входит.

– Наш с вами договор?! – гаркнул Грейтхаус, и тихоходные лошади, несмотря на свой почтенный возраст, казалось, быстрее застучали копытами.

– Вот мое предложение. – Морг говорил тихим, сдержанным голосом, с каким-то почти нездешним спокойствием. – Я покажу вам второй дом – в конце дороги, которую мы с вами вот-вот увидим. Я отдаю вам в дар ларец со всем его содержимым. А за это вы там снимете с меня цепи и выпустите на свободу. Дальше я сам о себе позабочусь.

– Не пьян ли я? – непонятно у кого спросил Грейтхаус. – Не подцепил ли я у психа его душевную болезнь?

– И затем, – продолжил Морг все с тем же выражением, – клянусь перед вами как подданный королевы и гражданин Англии, что я возьму деньги из первого ларца и потрачу их, чтобы уехать в... – Он помолчал. – Куда бы вы хотели, чтобы я уехал? В Амстердам? В южные моря? Не могу сказать, что я большой любитель солнца, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.